

ВОЛШЕБНАЯ АКАДЕМИЯ

ИРМАТА АРЬЯР

СОВЕТНИЦА
ЕГО ТЕМНЕЙШЕСТВА

Академия Тьмы и Теней

Annotation

Лике Интаресс, назначенной молодым владыкой Темного Трона на должность советницы, необходимо делать взаимоисключающие вещи — готовиться к сессии в Академии тьмы и выслеживать затаившегося в ее стенах убийцу. А тут еще темнейшество требует, чтобы его советница нашла ему невесту. А кто же не знает, что демон и любовь — противоположные понятия? Но лунные девы не сдаются!

Ирмата Арьяр
Академия Тьмы и Теней. Советница Его
Темнейшества

© И. Арьяр, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1. Седая древность и юная кровь

Бум! — ворвался в сон оглушительный звук.

Я скатилась с постели на ледяной пол и только потом продрала глаза. Сон мгновенно слетел. Осмотрелась. В комнате темень, но лунные девы отлично видят и без заклинания «ночного зрения». Никого. Что меня разбудило?

Хрясь! Дубовая дверь треснула, в щели торчал длинный черный шип. Богиня, что происходит? Кто с кем дерется в соседних покоях? В них, между прочим, сам владыка Тьмы и Теней проживает. Неужели я очередное покушение проспала? А еще телохранительница!

Вж-ж-жиу! Шип убрался с мерзким звуком пилы.

Бамс! Дверь содрогнулась от удара, но зачарованный засов не слетел. Он выдержит вес всего дворца, за него я не беспокоилась.

Из щели посыпались опилки. А вот за дверь страшновато. На нее мне не позволили наложить заклинание неприступности. Сказали, мол, хватит с меня засова и пояса целомудрия. А я как знала — не хватит!

Поднявшись, я сорвала со стула и лихорадочно натянула «нежную кольчугу» — легчайшую, но непробиваемую магическую сеточку — прямо на ночную сорочку.

И ведь что интересно: никаких голосов из соседних покоев! Сквозь щель доносилось только хриплое дыхание, какие-то рыки и треск ломающейся мебели. Или костей? Может, там моего работодателя убивают, а я и не в курсе? По идее, мне, как телохранительнице, надо хватать меч и с воплем бросаться на защиту.

Но лунный меч призывать нельзя — защита дворца Темного Трона уничтожит меня вместе с чуждой ему магией. Да и куда я с клинком? Дверь доламывать? С той стороны — тоже зачарованная задвижка.

Этот деспот, тиран и владыка Дьяр запирает меня четвертую ночь подряд, с тех пор, как поселил во дворце, у себя под боком. С той триумфальной ночи, когда он стал владыкой Тьмы и Теней.

Ужасной для меня ночи.

Я накинула поверх кольчужной рубашки халат, повязала пояс и, сунув ножны с кинжалом за пояс, отправилась умываться. А что еще я могу сделать в этой ситуации, когда мне запрещено вмешиваться?

Только одно — не мешать. И не нарушать приказ.

Дьяр, когда еще в первую ночь запирает меня в этой каморке для прислуги, приказал:

— Что бы тут ни случилось ночью, не высывайся, Лика. Будет шумно, но ты даже голоса не подавай. Это только мое дело. И магию сельо не применяй ни при каких обстоятельствах, иначе наш договор будет аннулирован за нарушение прямого приказа. Поверь, мне ничего не грозит и твои услуги телохранительницы тут не нужны.

Пришлось поверить. Я в тот раз даже спросить не сумела, что он имеет в виду. Даже пошевелиться не могла: болели переломы. Так случилось, что на коронации молодого владыки я приняла удар на себя, когда сестра Дьяра метнула в него древний кинжал, лишаящий магии. Я тогда уцелела только потому, что на мне была вот эта «нежная кольчуга» — не менее древнее чудо оружейного искусства.

Но никакая кольчуга не спасет от синяков и сломанных ребер. К счастью, целительная магия развита даже у демонов, и дольше трех суток никто в магическом гипсе не валялся,

учитывая еще и усиленную регенерацию магов.

Три ночи было тихо, я не понимала, зачем меня запирают, на мои претензии Дьяр не реагировал, мой непосредственный начальник Янге совсем не появлялся, единственная подруга Миранда тоже не показывалась — наверняка ее во дворец не пускали, — некому и пожаловаться.

Сегодня стало ясно, зачем потребовались магические засовы с обеих сторон двери.

Приказ Дьяра «молчать при любых обстоятельствах» сейчас казался невыносимым.

Плотно закрыв за собой дверь умывальни, я активировала амулеты связи — на вид самые обычные сережки, которые я не снимала даже ночью. Не такие парадные, как выданные мне в ночь коронации моего тирана, а совсем скромные «гвоздики».

Коснувшись сережки, я как можно тише шепнула:

— Янге!

Бу-ух! — в комнатную дверь долбануло так, что даже стены умывальни сотряслись. Наверное, от моей двери осталось только два засова.

— Лика? — едва слышно отозвался в ушах голос главы службы безопасности.

— Янге, тут жуткая драка в спальне Темнейшества, а я заперта! Что делать?

Хр-р-оув! — хрустело и рычало за стенкой.

— Знаем! Не вмешивайся! — еле расслышала я сквозь шум голос Янге. — И не волнуйся, у нас все под контролем. Тебе ничего не грозит.

Я и не волновалась. Мне было до одури страшно. Это же дворец Темного Трона. Сердце Тьмы! Тут такие монстры бродят! Такие силы спят! Или уже не спят, а ломаются в мою дверь.

— В самом крайнем случае задействуешь портал твоего отца, — успокоил Янге. — В самом крайнем, Лика. Понимаешь?

Понимаю. Мой порталный амулет создан светлым магом. А тут — владения темных. Я как-то по незнанию бежала отсюда папиным порталом, так потом демонам полдворца пришлось восстанавливать — магическая защита бурно среагировала на враждебную магию в своем сердце.

Плеснув в глаза водой, вернулась в свою комнатку, прислушалась. Тихо. Совсем тихо, как в могиле. А в двери виднелись уже три отверстия и одна длинная щель шириной в палец. В трещины проливались тревожные лучи света — алые, как кровь.

Сердце екнуло. И я все-таки нарушила запрет на магию сельо. Чуть-чуть. Ведь в ночь коронации Дьяра, всего лишь трое суток назад, я применяла в сердце Тархареша свою тайную магию. Даже крылья лунной девы вынуждена была раскрыть. И ничего не случилось. Темный Трон устоял, не рухнул, не раздавил гневом.

Бесшумным лунным лучом я скользнула к двери. Подавила паническое желание поинтересоваться у Янге, точно ли у него все под контролем? Остановилась в шаге от треснувшего полотна и осторожно взгляделась в трещину. В глаз ничего не прилетело, и я придвинулась еще ближе.

И с визгом отпрыгнула — алые лучи, веером падавшие в щели, зашевелились, словно щупальца. Миг — и они захлестнули мне горло!

У «нежной кольчуги» замечательный воротник-стойка, но от удушья и синяков он не спасает. Я захрипела, вцепившись в раскаленные, как показалось, лучи.

— Прочь! — раздался повелительный рык. — Отпусти ее!

Световые щупальца нехотя послушались, но мстительно протащили меня вперед, хорошенько приложив о дубовые доски. Все-таки жаль, что дверь уцелела, на лбу теперь

точно шишка вскочит.

Когда алые жгуты отпустили меня, я едва удержалась на ногах, вцепилась в засов. А глаза тут же приникли к трещине.

А там схватились в единое целое и монументально застыли два ответа на вопрос: почему в Темном дворце такие огромные помещения, широченные коридоры и высоченные потолки? Правильно, чтобы демонам было где развернуться... в боевую ипостась. Чтобы рога, шипы и гребни не исцарапали стены.

Один титанический монстр с массивной короной из роговых отростков, в мощном черном панцире, усеянном шишками и ядовитыми даже на взгляд издали длиннющими шипами, сжимал мощными когтистыми лапами другого гигантского монстра, похожего на багрово-алого, как раскаленная лава, спрута.

Игривые конечности последнего я и ощутила недавно на своей тонкой шейке. И поняла теперь, что со мной просто знакомились. Обнюхивали. При желании багровый демон мог переломить мне шею в мгновение ока.

Дьяра я узнала по пронзительно синему свету, плеснувшему на миг из угольных глазниц черного гиганта.

А красиво смотрятся, залюбовалась я. Багровый демон оплел черного, как огненный плющ — антрацитовую скалу. И непонятно, кто кого душил. На первый взгляд, Дьяр проигрывал схватку: его противник разрастался, как фонтан. Бесчисленные, переливавшиеся алыми огоньками щупальца, толстые, как бревна, и тонкие, как волосы, змеями расползались по полу и стенам, вылезли даже на потолок. Набухали и расцветали феерические, пышущие искрами бутоны... и осыпались на черную скалу раскаленными жалами. Но Дьяр справлялся с ними одним щелчком — на миг выплескивая крылья Тьмы. Как секира, они обрубали огненные лозы, как черный туман, они гасили и уничтожали жгучие жала.

А через миг все повторялось. Снова текли змейки лавы, снова взметались полотнища крыльев. Но я заметила, что с каждой вспышкой багрово-алый демон слабел, короче и тоньше становились его щупальца, тускнели отблески огня.

И вся эта феерическая борьба происходила совершенно беззвучно. Слово противники общались мысленно.

И вдруг ком лавы растекся по черной фигуре Дьяра, как мелкая сеточка по угольной скале и... впитался, полыхнув на миг причудливой татуировкой рун.

Черный монстр покачнулся, но устоял, а синие глаза зажглись триумфом.

То есть он мог и проиграть схватку? Явно не учебную, судя по разрухе в спальне — все стены и пол испещрены выбоинами, а в воздухе пахло гарью.

Я сползла по испорченной двери и уселась на пол. Меня слегка потряхивало. Что это сейчас было? И почему Янге уверял, что стража в курсе нападения, а сам даже не вмешался?

— Лица, с тобой все в порядке? — услышала я тихий голос за дверью, если эти щепки, державшиеся на двух магических запорах, можно так назвать.

— Да, — хрипло ответила я и потеряла саднящее горло.

— Врешь, — вздохнул Дьяр. — Что у тебя с голосом? Открой.

Я поднялась, отодвинула засов. Деревянное крошево тут же осыпалось. Ну вот, теперь мой бастион лишился даже видимости защиты.

Дьяр уже сбросил боевую ипостась и выглядел слегка помятым, но вполне обычным демоном — безрогим, бесхвостым, бескопытным. Короткие черные волосы взлохматились,

на лбу и висках поблескивали капельки пота. А вот в глазах еще отсвечивал жутковатый отблеск цвета раскаленной лавы. Он тут же отвел взгляд.

— Вы ничего не хотите объяснить мне, Ваше Темнейшество? — сухо спросила я, не пуская хозяина дворца дальше порога моей «крепости». — Что это было? И почему мне нельзя исполнять свои обязанности телохранительницы?

Ответил он в своем невыносимом дьяровском духе:

— У тебя есть что-нибудь попить? — и облизал сухие губы, устремив жадный взгляд на кувшин, стоявший на столе.

Я посторонилась, и он прошел к вожделенному сосуду походкой пьяного матроса. Но когда его рука потянулась, то пальцы промахнулись, сжав в горсть воздух вместо ручки. Словно он ослеп!

Я метнулась к нему... И наткнулась на выросшего между нами серебристого демона. Янге приобнял меня за плечи, шепнул:

— Отойди, девочка, — и тут же скользнул к Дьяру, ласково бормоча: — Эта неприятность пройдет, владыка. Всего лишь небольшая расфокусировка зрения. А пить тебе ни в коем случае сейчас нельзя!

Легкое движение серебристых пальцев, и кувшин разлетелся на мелкие осколки прямо в ладони Дьяра, успешно предпринявшего вторую попытку и уже поднесшего сосуд к губам. На стол и одежду Темнейшества хлынула вода. Разгневанный, еще не отошедший от предыдущей схватки молодой владыка повернул искаженное яростью лицо. А Янге, спешно ухватив меня за локоть и накрыв прохладным крылом, умыкнул в тень.

И вообще выкрал из покоев!

* * *

— Сэйван, будь другом, присмотри за девочкой, а я за владыкой присмотрю. — Дождавшись кивка от своего друга, Янге отпустил мой локоть и опять исчез с легким хлопком.

Я осталась стоять посреди обширного кабинета начальника тайного сыска, как несчастный указательный столб в квартале низших демонов — обшарпанный, покосившийся, ободранный кошками и жизненными бурями. Мое одеяние — ночная сорочка, выглядывавшая из-под «нежной кольчуги», которая, в свою очередь, торчала в вырезе халата, — никак не предполагало публичности и визитов.

— Темной вам ночи! — перекинув на грудь косу, свою единственную, хотя и растрепанную девичью красу, и гордо вздернув подбородок, я поздоровалась с синекожим гигантом — главой темного тайного сыска Сэйваном и его подчиненным и моим однокурсником Иреком Гилом, потиравшим помятое после сна лицо.

То ли Ирека вытащили, как и меня, внезапно, то ли, что вероятнее, он дремал прямо тут, в кабинете начальника, — очень уж подозрительно похожи рельефные квадратики змеиной кожи, выдавленные на покрасневшей щеке, на кожаную обивку кресла. И его темные длинные волосы взъерошены похуже, чем у меня. Я слегка приободрилась.

Как и у всех учеников Академии Тьмы, биологические часы у него были сбиты.

Демоны обычно спят днем, а ночь — их рабочее время. Но адепты Тьмы в Академии вынуждены жить, как дневные расы: профессора и магистры упорно держались за

тысячелетние традиции времен Единства Тьмы и Света и заставляли демонов учиться днем, а спать ночью. И это — несмотря на непрекращающуюся вражду со светлыми магами и Белой империей! В нормальное демоническое рабочее время у нас начинался комендантский час! Впрочем, биологический сбой — самая малая наша с Иреком проблема.

При виде меня, живой и почти здоровой, если не считать магической повязки на ребрах, Ирек облегченно выдохнул, что не укрылось от моего пронизательного взгляда. Значит, что-то должно было произойти куда страшнее, чем приложенная к горлу живая раскаленная кочерга?

— Объясните, что тут происходит и с кем дрался Дьяр? — не дожидаясь приглашения я протопала к свободному креслу и рухнула со стоном. Очень болела шея.

— Что у тебя с горлом, Лика? — пригнулся ко мне пронизательный Сэйван. — Ну-ка, подними голову.

Я подняла.

— Кто это тебя недодушил? — живо поинтересовался Ирек, тоже внимательно, поблескивая тревожными карими глазами, разглядывавший невидимые мне следы.

Я кое-как описала спрутообразную гору раскаленных щупальцев.

— Багряник добрался, значит, — вздохнул синекожий. — Ну, если сегодня выжила, дальше будет легче. Этот особенно силен. Вон даже защиту пробил. Правда, будет еще парочка шebutных. Да и неуспокоенные не шибко лояльны...

— Сэйван! — с укоризной одернул начальника Ирек.

Тот перевел на него потяжелевший взгляд.

— Ирек, не зарывайся. Ежели я позволил тебе тут дрыхнуть, положив копыта на стол, это не значит, что ты тут можешь и вякать. Что надо знать госпоже ками-рани Его Темнейшества, то она и будет знать, ни больше ни меньше. Я сразу сказал, что против того, чтобы держать девочку в неведении. Она воин. А воину нужно знать все о потенциальной угрозе...

— А Дьяр разрешил? — поднял бровь упорно нарывающийся подчиненный.

— Не возражал, — уклончиво ответил синекожий. — Так вот, Лика. После ритуала единения с Тьмой и восшествия на Темный Трон молодой владыка еще должен... гхм... как бы это назвать поприличнее...

Ирек вдруг захохотал, откинувшись на спинку кресла. Вытер выступившую слезу.

— Никогда не думал об этом в таком ракурсе, — признался бастард.

Интересно, стал бы он так ржать, если бы видел, во что превратилась моя толстенная дубовая дверь и гранитные стены спальни темного владыки?

— О чем «этом»? — воззрилась я на него, одновременно пытаюсь сдуть упавший на мой глаз светлый локон. Так я волосы и не перекрасила. После того как я раскрыла крылья сельо перед скопищем высших демонов, смешно и дальше маскироваться под стопроцентную демоницу. Локон не убрался. Снова дунула, посильнее. Руки было лень поднимать. Да и больно. — Так о чем ты не думал?

Мой однокурсник и по совместительству тайный сыщик Ирек Гил резко перестал улыбаться и отвернулся, не ответив. Зато Сэйван любезно просветил:

— О слиянии с тринадцатью Тенями.

— А разве Дьяр не слился с ними во время коронации?

— Ненадолго, пока на нем был темный венец, то бишь корона Тринадцати. Но не будет же он в ней спать. Да и ни в какие покои не поместится такая громада, как владыка в

короне, по коридорам не пройдет, хотя они у нас немаленькие.

Вспомнив, как выглядел новоиспеченный владыка в короне на Темном Троне — гигантским безобразным драконом в клыках и шипах, — я содрогнулась. Ничего более ужасного мне еще видеть не приходилось. С одной стороны, понятно: он же темный повелитель, ему положено устрашать своих и чужих. С другой — это же Дьяр! Синеглазый, стройный, отлично сложенный красавчик с густой черной шевелюрой, мечта всех местных и неместных девиц.

И была у него еще третья сторона, точнее, боевая ипостась, я увидела ее краем глаза сегодня — не такая чудовищная, как на необъятном Троне, но все-таки побольше, чем даже Сэйван (вот интересно, какая у синекожего боевая ипостась?), — черная шипастая и бронированная скала с крыльями. Ну, так выглядело сзади, а как спереди, я не хотела даже знать.

И момент слияния мне удалось подсмотреть, когда побежденный кроваво-огненный спрут впитался в тело Дьяра. И было видно, как Багряник всячески упирался.

— Получается, могло быть и наоборот?

«И поэтому бастарда тут и держат, как запасного игрока, чтобы Трон совсем не опустел, — догадалась я. — Не хотят давать ни малейшего шанса опальной принцессе Зарге».

— Могло, — буркнул Ирек.

— Не могло! — одновременно с предыдущим оратором воскликнул Сэйван.

— И сколько еще ему так с Тенями бороться? — продолжала я допрос.

— Они по кругу идут, начиная с холма коронации, — пояснил синекожий. — С двумя Тенями Дьяр легко договорился. И с каждым слиянием его шансы удержать корону растут, но даже единое неприятие... это плохо. Потому мы настороже. Счастье еще, что бунт мы в зародыше подавили, успели. И принцессу Заргу изолировали от сторонников.

Ирек тут же вскинулся. Не любил он сводную сестру почти так же, как я.

— Надолго ли? И как тщательно? Ты знаешь, где она? Я — нет. И куда глава ковена бежал, тоже неизвестно, — напомнил он. Поднялся с кресла и прошелся до двери, зачем-то выглянул и вернулся, оперся кулаками о столешницу — так, стоя, он мог говорить с начальством, не задирая голову к потолку. — Половина Ночных шорохов организовано и с оружием отправлены к границам. А если «шмонари» не дойдут до орочьих степей? А если дойдут и объединятся с врагами?

Сэйван трагически вздохнул, а мне стало очень тревожно. Я тут отдыхаю в магическом гипсе, а под моим работодателем Темный Трон шатается! Непорядок. Так и без работы можно остаться, а я к ней толком еще и не приступила!

— Они присягнули, — вяло оппонировал синекожий гигант. — В смысле, не орки, а Шорохи.

— Пфе! — фыркнул бастард. — Они уже слишком далеко от Трона, чтобы отследить. Да и какого клятвопреступника Тьма развеяла на месте? Идея отпустить их — стратегический просчет Дьяра. Я понимаю, у него в ту ночь мозги отшибло свалившейся короной. Но пора исправлять ошибки, а он только усугубляет!

И оба почему-то быстро глянули на меня. Так. Очень интересно. То есть с их точки зрения я — ошибка, усугубляющая шаткое положение их повелителя? Ну... Да. Я же лунная дева. Существо, объявленное вне закона в Тархареше. И пусть меня, поступившую в Академию под чужим именем и с чужой биографией адептку Лику Тария, Темный Трон взял

под покровительство, но закона о казни пойманных сельо никто так и не отменил.

— Объясните мне, в чем дело! — потребовала я.

Но тут воздух в комнате словно разрезали сверху донизу черным ножом, трещина мгновенно раздвинулась, в портал вошел сам Дьяр и следом за ним живой и невредимый Янге.

— Вот пусть владыка и объясняет, — самоустранился Сэйван.

— Что именно? — устало взглянул на него синеглазый.

— А это пусть Ирек доложит, — снова уклонился синекожий гигант.

Ловко у него получается, надо поучиться. Пригодится в придворной демонической жизни.

— Какие ошибки ты не торопишься исправлять, — пояснил бастард, с независимым видом кивнул на меня и сложил руки на груди. — Я считаю, что тебе нужно отправить Лику домой хотя бы на период укрепления власти. Себя не жалко, ее пожалей.

— С какой стати? — возмутилась я, а Дьяр перевел взгляд на меня, и почему-то сразу вспомнилось, что видок у меня еще тот. Щеки запылали от смущения, а подбородок гордо поднялся.

Ирек окончательно распетушился:

— А с такой, что никогда еще Тени не дрались с новым правителем в его покоях и никогда не проявлялось такой агрессии и неприятия наследника. За всю историю Темного Трона такого не было! И причина такого нарушения ритуала — ты, Лика, — припечатал он. — Твое присутствие во дворце.

Ничего о темных ритуалах престолонаследия мне было неизвестно, но никто Иреку не возразил, и определенная логика в его словах была. Действительно, с чего бы Теням так буянить, набрасываться на своего владыку? Хорошо еще, они поодиночке приходят. А если все тринадцать скопом навалятся? Я повернулась к Дьяру.

— Это правда? Причина во мне?

— Ничего они не сделают. Ты — моя ками-рани, и неприкосновенна для всех, — владыка отвел глаза, с неудовольствием уставившись на бастарда. Тот даже не дрогнул, наоборот, сверкал воинственными очами. И Дьяр сказал уже ему: — Пока именно там, куда я поселил Лику, для нее самое безопасное место в Тархареше.

— Ты прекрасно понял, что я имел в виду Серые пределы. Туда Тени не дотянутся.

— Может, ты мне еще прикажешь? — очень ласково поинтересовался синеглазый и слегка обнажил клыки.

— Это совет.

— Напомни, когда я назначил тебя советником, Ир-рек?

Янге, услышав рычащие нотки, снова принял удар на себя: скользнул между искрившимися гневом братьями, слегка развел зеркальные крылья и примиряюще приподнял ладони:

— Стоп-стоп! Дьяр, в тебе еще Багряник не успокоился, малейшей искры достаточно, чтобы вырвался. Ирек, не провоцируй. И не наглей, иначе и нашей поддержки лишишься. Лика, пойдём-ка, я провожу тебя.

Я уперлась:

— Не раньше, чем получу объяснения. Если уж кое-кто объявил меня своей ками-рани, то я обязана знать чуть больше о своей роли. Почему мое присутствие провоцирует на агрессию сущности, которые должны охранять владыку и Трон?

Дьяр сдался под устремленными на него взглядами — не только мне, всем было интересно, — смиренно уселся в кресло посетителя.

— Хорошо, объясню. Сэйван, как хозяин помещения, организуй нам ужин.

Ну да, за час до рассвета самое время демонам ужинать. Обедают они обычно в полночь. Мой желудок тут же напомнил, что он пуст со вчерашнего дня.

— Тебе еще нельзя принимать пищу, владыка, а мы перебьемся за компанию! — встрял Янге, строго оглядев по очереди меня, Ирека и даже громадного Сэйвана.

Мы дружно согласились. А куда деваться? И так же синхронно вздохнули. Дьяр тоже вздохнул, но на этот раз не стал качать права повелителя.

— Дело в том, Лика, что Тени — сущности, добровольно отказавшиеся от посмертного покоя, дарованного Тьмой. Они — личности со всеми их достоинствами и недостатками, они чувствуют и тоску, и жажду бытия, и эмоции, в том числе гнев. При смене владыки Темного Трона они испытывают наследника. Но сейчас испытание двойное, потому что они рвутся испытать и мою ками-рани.

— Тогда зачем ты меня назначил на эту дурацкую и опасную, как выясняется, должность?

— Дело не в должности. Дело в тебе. Должность советницы и хранительницы при моей особе — единственная возможность для тебя выжить при Темном Троне. Думаю, мой отец прекрасно знал об этом, когда заключал с тобой договор. Знал, что я найду это решение. Вынужден буду.

Вынужден? То есть это я его принуждала?! Запомним. Слушаем дальше.

— С Тьмой я договорился, ты все-таки внучка демона из Вечернего клана, в твоей крови она нашла часть себя и приняла. — Он перехватил мой вопросительный взгляд и сразу пояснил: — Это случилось, когда я принял твою каплю крови на коронации, помнишь?

Я вспомнила тот момент, когда новоявленный владыка уколол мой пальчик острейшим когтем. Но Дьяр к тому времени уже объявил мой новый статус. Получается, он все заранее просчитал и даже не поставил меня в известность о возможных рисках!

А что бы это изменило? Разве я отказалась бы от порученной мне миссии? Нет.

— Помню, — кивнула.

— Но некоторые из Теней не согласились. Они считают, что твоя мать предала свой клан и свою землю и твоя кровь должна искупить ее предательство.

— Почему они только сейчас опомнились, почти через полгода после моего тут появления? Твой отец говорил, что он сразу понял, кто я. Узнал во мне черты матери. А значит, и Тени осведомлены.

Дьяр ответил не сразу, скользнул взглядом по напряженному лицу Ирека, но признался сквозь зубы:

— Потому что я еще слаб. Ты была под покровительством моего отца, он мог легко обуздать их и приказывать им, а я только-только принял их в себя на коронации и... борюсь с ними. Либо они меня раздерут на тринадцать частей, либо я сумею подавить их и подчинить.

Я взглянула в измученные синие глаза и больше не спрашивала. Молча направилась к двери, но Янге догнал и, улыбнувшись, предложил сократить путь. Согласилась. Но задумалась, что с этими тeneвыми переходами скоро и ходить разучусь. Как демоны умудряются всегда оставаться в форме?

Глава 2. Дьяр — укротитель Теней

Ушла, наконец. Можно расслабиться. Дьяр не мог себе позволить раскиснуть перед девушкой, особенно перед Ликой. Он расслабленно откинулся в кресле и прикрыл глаза, ожидая возвращения Янге. Юный владыка Тьмы (о Тенях говорить еще рано, как оказалось) держался из последних сил. Только из гордости. А ведь еще пару дней назад могущество пьянило. Дурманило.

От него, честно говоря, Дьяра уже тошнило, как юнгу в первый шторм: вчерашний принц никак не мог освоиться с ролью высшего правителя демонов. При живом-то отце! Которому поклонялся даже тринадцатый клан!

Слишком рано, слишком неожиданно взошел на Темный Трон сын какой-то там завалящей дочери пирата. «Корабельной шлюхи», как обзывали враги его мать.

А ведь именно Дьяра, в отличие от старшей сестры и тем паче брата-бастарда, приучали к власти с рождения. Его вели к проклятому венцу с первого посвящения Тьме, с первого благословения Теней.

Вот к ним привыкать тяжелее всего. К тринадцати голосам, одновременно зазвучавшим в голове. Ворчливые, бранчливые, вечно грызущиеся между собой Тени...

Не каждый наследник Темного Трона смог сохранить рассудок в первые три дня владычества. Тринадцать Теней не только рвали его разум на части, они воевали за власть над его телом, раздирая Дьяра боевыми метаморфозами.

Ему надо было принять тринадцать форм инобытия.

Тринадцать прерванных, но продолжающихся жизней.

Тринадцать телесных оболочек с их особыми умениями, навыками, знаниями.

Тринадцать характеров и образов мыслей.

Тринадцать наречий, на которых изъяснялись пересекающиеся в его сознании существа.

А Матерь и Госпожа Тьма... Она залечивала раны и взамен выпивала душу.

Если бы не друзья и соратники, подставлявшие плечо, юный владыка не удержал бы Трон.

— И не надо так на меня смотреть, Сэйван, — поморщился Дьяр, уловив сочувственный взгляд. — Я уже в порядке. Ты сам говорил, что Багряник — самый опасный.

— Ты остальных-то не сбрасывай со счетов. Самый сложный еще впереди. И даже два: неуспокоенный — не легче.

Владыка дернул плечом, мол, чему быть, того не миновать. Распорядился:

— Созывай малый совет, Сэйван. А ты, Ирек, отправляйся в Академию. Что ты тут выжидаешь?

Бастард сцепил зубы, поднялся и медленно отправился к двери. Дьяр внимательно наблюдал, а хозяин кабинета пытался сделать вид, что его тут нет. Вмешиваться в отношения братьев — гиблое дело.

У двери Ирек обернулся.

— Если ты решил, что я только и мечтаю о том, чтобы занять Трон, то ты глубоко не прав. Я тут на случай, если какая-нибудь Тень вдруг возьмет верх. Моя кровь поможет с ней справиться. Сэйван позвал меня только для такой помощи.

— Я разберусь, для какой, — ровно и холодно ответил владыка.

— Ты еще заподозри их в измене! Совсем тебе голову короной ушибло! — в сердцах

бросил Ирек и хлопнул за собой дверью. Ходить тенями бастард не хотел, а дорогами Тьмы — не мог, вот и приходилось осложнять себе жизнь пешими прогулками.

Дьяр перевел тяжелый взгляд на синекожего демона.

— Ты-то хоть меня за дурака не держи, Сэйван. Кто сообщил вам о необыкновенных свойствах крови Ирека Ги́ла? Он сам? И кто еще знает?

— Владыка Сатарф перед уходом собрал нас и сообщил о бастарде, — запоздало отчитался глава тайного сыска.

— Вас — это кого? — последовал уточняющий вопрос.

— Да мы и сами давно догадались, держал бы нас тут кто, если б ума не хватало. С чего бы Сатарфу приставлять к какому-то постороннему демоненку тройку «серых теней» из десятка лучших и требовать от нас отчеты о каждом его шаге все двадцать с гаком лет? Уж явно не для того, чтобы его устранить, верно?

— Не факт, — сухо отрезал молодой владыка. — Я задал еще один вопрос.

— Ну, я знаю, Янге и архимаг Рахт.

Дьяр на миг прикрыл веки.

— Итак, очередными предателями стали мои самые приближенные демоны: начальник дворцовой охраны Янге, глава тайного сыска Сэйван и новый глава Темного ковена Рахт. То есть те, кто по долгу службы и дружбы знают все мои слабости. Особенно Рахт, мой бывший наставник. Наверняка он и Ирека наставлял. И вы решили воспользоваться первым же промахом и посадить на Трон моего незаконнорожденного брата?

Темно-синий демон стал незабудкового цвета.

— Все не так, владыка.

— А как? — с тихой яростью поинтересовался Дьяр. — Со мной никто не согласовывал никаких планов с участием Ирека Ги́ла. Никто и никаких! Это называется заговор, Сэйван!

— Мы действовали по приказу владыки Сатарфа, — выдавил признание синекожий, с трудом выдерживая ледяной взгляд. — Мы поклялись ему оберегать тебя всеми силами и любым доступным способом. Если какая-либо Тень возьмет верх и подчинит твой разум, единственный способ защитить тебя — это сила рода, вливание родственной крови. Не к Зарге же нам обращаться!

Дьяр на эту тираду не произнес ни слова. А под его взглядом гигант съежился.

Лишь когда в кабинете снова появился Янге, а через миг присоединился еще один демон — седой, в черной мантии магистра боевой магии, — владыка поднялся и, опершись на стол ладонями с проступившими когтями, язвительно поинтересовался у присутствующих:

— Напомните мне, кто сейчас владыка в Тархареше, я или мой отец? Кому вы трое суток назад присягнули? Или вы клялись не повелителю, а всего лишь наместнику и блюстителю Трона? — голос Дьяра уже гремел, а на коже лица, шеи и рук проступила пока еще бледная багровая вязь. — Как вы, самые доверенные и приближенные лица, посмели вступить в сговор за моей спиной? Или я для вас — мальчишка, с которым не обязательно считаться и ставить о чем-либо в известность?! Кому вы верны на самом деле?!

От его низкого рыка завибрировали стены. Магистр боевой магии Рахт вскинул руки в защитном жесте, но щит выставить не осмелился.

— Пощади, владыка! — А когда багровый рисунок на коже Дьяра почти растаял, Рахт добавил: — Самого себя пощади прежде всего. Прошу тебя, как наставник: держи себя в руках, если уж ты не мальчишка, а взрослый мужчина и наш повелитель. Выслушай.

Дьяр сел в кресло, опустил ладони на подлокотники, но когти убирать не спешил,

показывая близость боевой трансформации.

— Твой отец знает все о борьбе и слиянии с Тенями, больше, чем кто-либо из живущих, — напомнил наставник Рахт. — И он предупредил нас, что в случае подавления воли и разума наследника Тень в первую очередь начнет устранять тех, кто способен ее изгнать. То есть родственную кровь. Так как принцесса Зарга далеко и надежно заперта, под угрозой оставался бы ваш непризнанный брат. И, конечно, мы не могли рисковать. И да, можешь казнить меня, но если ты не справишься и даже кровь Ирека не удержит тебя, то бороться нам придется не с тобой, а с Тенью Великого.

Янге, опередив гнев повелителя, добавил:

— Если бы Багряник победил, тебя уже не было бы к этому моменту, владыка. Оболочка Тени — вот с кем пришлось бы нам сразиться. Следовательно, и клятвопреступниками мы бы не стали.

А Сэйван милосердно добил:

— Речь уже не о тебе, а о том, чтобы спасти от хаоса нашу страну и Темный Трон, как ее сердце и основу нашей жизни. Не Ирек, так Зарга, выбор невелик. Но Ирек — первенец Сатарфа, что немаловажно для Теней, и мужчина, что важно для Тьмы.

Дьяр, оперев руки о подлокотники, сцепил пальцы в замок, усмехнулся:

— Очень патриотичные сказки. Родина превыше всего и так далее. Первенец должен быть на Троне, что справедливо даже для демонов...

— Мы не говорили этого! — вскинулся магистр.

— Еще солги, что не думали! — припечатал Дьяр. — Именно поэтому мой отец скрывал правду даже от вас до последнего момента. Рахт, я понимаю, что навсегда останусь в твоих глазах несмышленным учеником, как для нянюшки Кикерис. Но ты, Янге... И особенно ты, Сэйван, глава тайного сыска. Неужели вы никогда не задумывались, почему мой отец так и не признал старшего сына?

— Мы в курсе, что Ирек в детстве не получил благословения Тьмы, — ответил гигант. — Но с тех пор он вырос, стал сильнее.

— Боюсь, это не поможет. Мне даже интересно посмотреть, каким образом Ирек стал бы владыкой Тьмы, если она его отторгла, — усмехнулся синеглазый, окончательно взяв себя в руки. Повернулся к наставнику: — И ведь вы даже не выяснили причину. Или ты, Рахт, по примеру беглого предшественника вознамерился совладать с самой Тьмой, а Иреку, как первенцу, отдать Теней? Боюсь, Зарга такого попрапия ее прав не выдержит. Вы получили бы не раскол страны на два лагеря, а кипящий хаосом котел. Тринадцатый клан только этого и ждет. Вампиры не просто уйдут, они прихватят как можно больше демонов... в качестве новообращенных. И это станет клином, который навеки расколется союз Тринадцати. Тархареш вернется к эпохе гражданской войны всех против всех. Белая империя тут же подсуется, и некому будет противостоять светлым, особенно если они догадаются объединиться с другими нашими врагами. Вот к чему приведет ваша ставка на моего брата. Именно потому я и не скормил Тьме душу заговорщицы Зарги, а оставил жить. В качестве противовеса. Только она сумеет подавить бунты. Кровью зальет, выкосит половину, но оставшиеся станут монолитом.

Он замолчал, задумчиво побарабанил когтями по столешнице. Конечно, бешеная принцесса еще доставит хлопот, но пока она нужна. Замуж бы ее выдать, да кто возьмет такую?

— Почему ты так уверен, что в случае самого неблагоприятного исхода с тобой Ирек не

получит благословения Госпожи Тьмы? — хмуро спросил Рахт. — Магия Ирека — темная, значит, источник ему открыт.

— Что ты знаешь о благословении владык? — прищурился синеглазый.

Седовласый развел руками: ничего, мол. Сколько в его показном невежестве было правды, Дьяр не стал разбираться. Все демоны лукавы, особенно его старый наставник, короновавший вот уже третьего владыку на царствие.

— Догони моего отца и поинтересуйся, мэтр, — осклабился Дьяр. — Так я вам и открыл семейные тайны. Вынюхивайте сами, если за столько лет не разобрались.

И, так как его вероломные друзья и наставник еще растерянно жевали губами, обдумывая заново политический расклад в Тархареше, продолжил:

— Если уж вы так опасаетесь, что я не справлюсь, можете вернуть во дворец мою сестру, разрешаю. Даже открою государственную тайну, где Зарга отбывает наказание.

Заговорщики дружно вздохнули и поморщились.

— Не хотите? Тогда придется как-нибудь терпеть мою власть. Я поверю, так и быть, что вы действовали по приказу Сатарфа и зашли дальше приказа не по злomu умыслу, потому казнить не буду... до возвращения отца, — обвел их взглядом Дьяр. — Но вы ведь понимаете, что теперь я не удовлетворюсь стандартной присягой Трону и владыке? Кто не готов дать мне личную кровную клятву, может отправляться к хургу, обещаю сохранить жизнь до границ Тархареша, а далее — не в моей власти.

Никто не пошевелился, только наставник Рахт вздохнул еще тяжелее:

— Ну что ты взбеленился-то, а? Ведь сущий тиран и деспот, хуже отца оказался! Этак совсем без друзей и сторонников останешься.

— С такими друзьями и врагов не надо, — холодно взглянул на него молодой владыка и тут же отвернулся. — Сэйван, зови остальных. Кровную клятву потребую от всего малого совета, прежде чем приступим к разбору наших непростых дел.

Ни на кого нельзя положиться, с горечью понял Дьяр, ощутив острый приступ вселенского одиночества. Вот оно, проклятие владык, о котором предупреждал отец. Всегда настороже. Никогда в безопасности. Даже с самыми близкими и верными.

* * *

Янге сопровождал меня в комнату и тут же исчез, запретив куда-либо выходить. Дверь уже навесили, кстати. Из серого «железного» дерева. Быстро тут работают. Но я даже подходить к ней не стала: слабые синевато-фиолетовые отблески, пробегавшие по полотну, говорили о недавно наложенных защитных заклинаниях, готовых активироваться, как только дверь закроется.

— А когда в этой тюрьме завтракают? — пробурчала я, зная, что серебряный демон прекрасно меня слышит через серьгу.

В ухо шепнуло голосом Янге:

— Я загляну на кухню и распоряджусь, Лика. Отдыхай пока. Занятия в Академии начнутся только завтра, а Дьяр весь день будет занят.

— Меня решили выпустить в Академию? — обрадовалась я. Никогда не думала, что так соскучусь по нашей группе, особенно по Миранде. Даже по кастелянше Кикирусе и почти моей Башне трех принцесс!

— Временно, пока не решен вопрос о твоем домашнем обучении по месту несения службы.

Это была хорошая новость. Пока я ее смаковала, Янге материализовался в комнате, доставив мне огромный поднос со всякой вкуснятиной, извинился и снова исчез.

«А ты неплохо устроилась, Аэлика Интаресс! — сказала я себе, открыв крышку блюда и окидывая взглядом поле предстоящего боя с голодом. — Глава безопасности Темного Трона у тебя в лакеях, а сам Его Темнейшество — в охранниках, Теней отгоняет».

Через полчаса, сыто отвалившись на подушки, я попыталась доспать свое — все-таки утро было еще совсем раннее, — но так называемая «нежная кольчуга» начала страшно раздражать кожу, тело невыносимо зачесалось. Потому я побрела в ванную. Помыться и постирать «кольчугу», с которой решила не расставаться ни на миг ближайшие дни десять.

А потом, переодевшись в короткую юбочку и маечку — иной одежды в гардеробе не оказалось — и обложившись учебниками и тетрадями со всех сторон, восполняла пробелы в образовании.

Дверь распахнулась настезь совершенно беззвучно.

— Можно? — Дьяр остановился на пороге комнаты.

Я фыркнула:

— Стучаться надо с той стороны двери, а не с этой.

— Владыки не стучат, — весело блеснули синие глаза. И, разумеется, он нагло прошел к моему столу, за которым я так уютно устроилась, подцепил когтем твердую обложку учебника «Основы темного воздействия на материю и сознание, часть третья». — Вижу, за ум взялась? Можешь пока не стараться. Празднества в мою честь продлятся ровно столько, сколько потребуется для твоего выздоровления, так что никаких пропусков занятий не будет.

И улыбнулся, обаяшка такой. Вот, я же говорю — хорошо устроилась!

— Ага, а потом нам всем надорваться от нагрузки? Программу-то никто не перепишет в вашу честь!

— Для тебя могут и переписать.

И чем расплачиваться? Ясно, что добрый, на все готовый сыр — только в мышеловке.

— Янге что-то говорил о домашнем обучении, — нахмурилась я. — Почему?

— Все равно магистры меня тут будут натаскивать, заодно могут и тебя тоже обучать, как мою ками-рани. Мне сейчас, как ты понимаешь, не по рангу в школу ходить, пусть и в высшую, — он посерьезнел и тяжело вздохнул. — Да и нет у них программы обучения владык. Ректоратом рекомендованы только индивидуальные занятия с наставниками из кланов.

— Из-за Теней? — догадалась я.

— Из-за них. Тринадцать великих Теней — основа Темного Трона. Чтобы он не рассыпался, моя связь с ними должна быть прочнее, чем у тринадцати моих князей. Кстати, о связи. Я обещал тебе безвозмездно снять остатки печати. Забыла?

Забудешь о ней! С магической печати, нагло нарисованной по приказу Дьяра вокруг моего пупка, и началась наша непримиримая война. Часть надписи он убрал, но она стала еще более издевательской: «О, е! Дьяр», — гласили руны на моем животике. Позорище какое для лунной девы! И ведь богине не пожаловаться, она же меня первая и прибьет за то, что допустила поругание.

— Снимайте! — милостиво разрешила я, сгребла учебники в сторону и откинулась на спинку стула.

— Сидя не получится. Разве что ты сядешь на стол для удобства, — его голос стал вкрадчивым, как у демонического котяры, а кончики пальцев скользнули по моей щеке.

Я отдернула голову, прошипела:

— Руки уберите, Ваше Темнейшество. У нас договор о нераспускании ваших конечностей, забыли?

— Как можно! Я просто настраиваюсь. Ты же должна помнить, что магическую печать снять не так просто, нужна подготовка, настрой. Я бы и не настаивал, но снять ее необходимо: Тени ее чувствуют не хуже меня, и через нее знают о том, где тебя искать. А лишаться из-за какой-то печати моей единственной... ками-рани я не намерен.

Пришлось лечь на ложе поверх покрывала.

Процесс снятия печати опять оказался долгим: Темнейшество бессовестно гладило, ласкало и всячески растягивало удовольствие, пока не осознало, что ему проще оживить статую, чем согреть лунную деву, не желающую согреваться. Сложив руки на груди, я терпела его ласку, закрыв глаза, чтобы не видеть странной нежности синих глаз, и изо всех сил представляла перед собой жуткое чудовище, сидевшее на Троне в ночь коронации.

— Все? — я открыла глаза, когда Дьяр, тихо выругавшись сквозь зубы, отстранился.

— Нет. Я не могу работать в условиях вечной мерзлоты! — Он убрал руки, сел на край ложа спиной ко мне. Спросил глухо: — О ком ты сейчас думала?

Я тут же одернула одежду, а для верности еще и в покрывало укуталась.

— О владыке на Темном Троне почему-то вспомнилось. Очень внушительное зрелище было.

Его плечи поникли.

— Понимаю. Я страшен. С такой рожей о любви и взаимности можно забыть.

— Почему же, там многие демоницы пылали восхищением, но больше вожделением к вашей необъятной персоне. Некоторые даже искренне.

Он фыркнул.

— Не к моей персоне, Лица, а к вакантному месту владычицы. К отцу они точно так же пылали. Я никогда не хотел становиться владыкой, но отец принял такое решение и не оставил мне выбора.

— Не рассказывайте деве юной сказки. Вы же его наследник! — натянув покрывало по шею, я тоже села. — Каким еще могло быть его решение? Это ваш долг.

— Наследником должен был стать Ирек, уродись он немного другим.

— Бастард?

— У нас важны не законность брака, а первенство крови и чистота магии. Мой брат — самый старший из детей Сатарфа. Первенец. А это важно для Теней. Отец был готов признать его и наделить всеми правами, но Тьма не смогла благословить Ирека и подарить ему Истинную, или Отраженную, тень.

— Истинную? Объясните мне разницу, я запуталась с этими вашими тенями, — взмолилась я.

Дьяр мученически вздохнул, но снизошел:

— Вообще-то об этом знают немногие, но ты, как моя ками-рани,ходишь в круг избранных. Клань серых, вечерних, ночных и даже утренних теней — это демоны, наделенные особой теневой магией. Тень в данном случае — обозначение их способности становиться для простого глаза невидимыми в самой обычной тени, отбрасываемой любимым предметом на свету. Такие демоны могут ходить теневыми дорогами. Я тоже могу,

естественно, ведь я их повелитель. А вот Отраженная тень, или Истинная, имеет в принципе другой характер. Это отражение моей сущности во Тьме, магическое второе тело.

— Еще одна боевая ипостась?

Сколько же их у него? Урожденная синеглазая, боевая демоническая, чудовищная на Троне, а теперь еще Отраженная! А не многовато для одного существа?

— Можно и так сказать, — кивнул Дьяр. — Но, в отличие от полностью физической боевой ипостаси, магическое тело полуматериально и, как любое отражение, не являетсяместищем души. Ты же не можешь стать собственным отражением в зеркале, собственной копией. Но на этом сходство заканчивается, потому что все-таки отражение — магическое. Я могу управлять этим вторым телом, отправлять его в любое место по теневой дороге или спрятаться внутри, как в магическом доспехе. Рана, нанесенная магическому телу, абсолютно безвредна для физического. И наоборот. Такой особенностью обладает только правящая династия. Те, кого благословила Тьма. Кроме меня — это мой отец и сестра. Потому мой отец смог выжить и спастись, когда его убивали кинжалами Ошсах.

«А вот об этом даже богиня Лойт не знала, иначе сказала бы», — прикусила я губу. И должна ли она узнать? Вот в чем вопрос.

— То есть это ваша четвертая ипостась? Кроме боевой и тронной?

— Да. Кстати, то, что ты назвала «тронной» — высший боевой облик владык и одинаков для всех повелителей Темного Трона. Он аккумулирует силу тринадцати Великих Теней.

То есть теперь Дьяр теоретически сильнейшее существо в мире? Ого. Впрочем, Сатарфу все его могущество мало помогло против предательства и коварства. Судя по помрачневшему лицу Дьяра, его посетили те же мысли.

— А почему Тьма не смогла дать Отраженную тень Иреку? — спросила я.

— Попроси его как-нибудь показать крылья, поймешь, — уклонился он от ответа. — Иди к себе, Лица. Мне надо побыть одному.

— К себе — это куда? В Башню трех принцесс?

— В башню. Теперь можно. До вечера. Горгульи по тебе соскучились. Только пообещай ни в какие авантюры не ввязываться.

— Не могу обещать, но постараюсь.

Окинув меня еще раз странным, каким-то сожалеющим взглядом, Дьяр щелкнул пальцами, и между столом и шкафом нарисовались заманчивые контуры портала.

Что-то не нравится мне столь явное желание выпроводить меня. Без надзора богини он теперь не останется, в чем и был тайный смысл договора, но у меня беспокойно на душе. То говорил, что самое безопасное место для меня — у него за спиной, то отправляет подальше одну-одинешеньку. Мне, конечно, надо бы проверить, как там мой дракончик поживает. Соскучился ли, как я по нему. Но уходить, как ни странно, не хотелось.

— А кто вас будет охранять, Ваше Темнейшество?

Он уже направился к выходу, но повернулся, смерил меня еще одним насмешливым взглядом.

— Как обычно, Янге и мои охранники, «тени». Думаешь, без тебя не справятся?

— Сатарфа тоже охраняли, и чем это кончилось? Я, пожалуй, тут посижу, попривыкну к новой клетке. Перышки почищу, а то горгульи испугаются. Конспекты напишу.

— Твое рабочее время закончилось, телохранительница. Если ты будешь рядом со мной круглосуточно, то еще больше меня возненавидишь. Я этого не хочу. Иди, пока я добрый.

Я поднялась, обулась, выругавшись про себя, дабы не нарушать субординацию: в

качестве обуви мне полагались либо банные тапочки, либо туфли на огромных каблуках. Пришлось надевать пыточные колодки. Осторожно обошла арку портала, подхватила рюкзак, выложила учебники, запихала в него свитер и «кольчугу».

— Дьяр, почему ты не спросил об Иреке? О том, какие чувства он к тебе испытывал на церемонии? Я ведь видела истину «оком сердца». Он тебя любит, но...

— Себя он любит больше, — усмехнулся синеглазый. — Это естественно.

— Скорее, жалеет себя. А вот тебя... не пожалеет. В смысле...

— Завидует, знаю, — перебил он. — Он всегда ревновал отца ко мне и Зарге. А что до жалости... мы — темные маги, Лика, мы не умеем жалеть. Мы для этого слишком рациональны. Но я благодарен тебе, что ты не сообщила Янге об истинных чувствах Ирека. Мы с братом сами разберемся. Уверен, присягу он не переступит.

Я пожала плечами, мол, мое дело — предупредить, и, бросив последний взгляд на усталого владыку, шагнула к черной дыре портала.

В этот миг серая полоса света, сочившегося из приоткрытой двери, мигнула, словно кто-то подошел с той стороны. Дьяр среагировал мгновенно — толчком придав мне ускорение, закинул в треклятый портал, а сам прыжком оказался у входа в комнату, на лету перетекая в боевую ипостась.

Я еще задержалась на пороге, чтобы увидеть, как распаивается заговоренная дверь, открывая взгляду огромную серо-мглистую крылатую фигуру с глазами-бельмами. Чудовище клубилось, как туман, и дымные клочья тут же растеклись по комнате, даже запах сырости долетел.

— Клан Предрассветных и я, Предвечный Сшантиш-граш, приветствуют тебя, сын Сатарфа из клана Полночного Звездопада, — по-змеиному прошипело жуткое существо, изобразив что-то вроде поклона. — Пусть твоя воля станет моей волей, а твоя душа моей душой...

«Какая странная формулировка вассальной клятвы», — мелькнула мысль. И «оком сердца» не посмотреть на гостя: у Великих Теней нет живого сердца.

Дослушать не удалось: Дьяр щелкнул невесть откуда появившейся в его руке шипастой многохвостой плеткой, разорвав туман в клочья. Коварный, но, видимо, слабый гость оглушительно завизжал, как побитый щенок. И тут мой портал схлопнулся, обрубив тишком потянувшиеся ко мне туманные струйки. Что бы ни задумывал этот Сшантиш-граш, Дьяр его раскусил.

Да и не слишком ли поздно приперся этот Предрассветный? Солнце уже поднялось, значит, час его силы прошел. Хоть в этом моему работодателю повезло. Я подавила отчаянное беспокойство: все равно помочь в этой битве ничем не могу. В конце концов, при стольких ипостасях владыки какая-нибудь выживет.

Глава 3. Ирек, или Сделка со смертью

«Хозяйка! Спаси-и-и меня-а-а-а!» — шарахнуло по мозгам, едва я сделала шаг к Башне трех принцесс. И оглядеться не успела. Лишь краем глаза заметила, что моя комната уже вполне жилая, как прежде — ну, просто стремительно здесь ремонты делают! — и рванула вниз на второй этаж спасать Шурша. И, конечно, забыла, что до сих пор в туфлях на огромных шпильках, и навернулась.

Хорошо, что на винтовой лестнице не так легко, грохнувшись, пересчитать все ступени от верха до низа, но пяток я все-таки пересчитала, врезалась плечом в стену, едва не вышибив кость из сустава. Пока в глазах гасли звездочки, осознала, что мой дракончик задыхается... от смеха.

«Спаси, а то сдохну-у-у-у!» — подвывал Шурш.

В залу я еле приковыляла, держась за стеночку: подвернутая нога моментально распухла в лодыжке. Дверь на этаж была распахнута, и в глаза ударил такой яркий солнечный свет, что первой мыслью было: башня все-таки разрушена. Ну не могли узкие бойницы пропускать столько света.

Проморгалась. Прислушалась. Хотя, что уж там слух напрягать, Ирек просто орал на забившегося в угол дракончика:

— Видишь? Нет, ты посмотри, посмотри на меня, Шурш! Видишь, уродство какое? Как мне с этим жить? Я выродок! Я эти свои крылья с детства ненавижу! Ведь я темный! Я демон, а не фея! Я на таких крыльях и летать-то не могу — боюсь, вдруг кто увидит этот позор. Знаешь, что это такое у меня за спиной? Оружие массового поражения! От смеха весь Тархареш сдохнет, а меня обвинят в уничтожении демонической расы! Не отворачивайся, Шурш, смотри! И только попробуй заржать!

Дракончик пытался не пробовать. Он мелко трясся и давился спазмами беззвучного хохота. Он свернулся калачиком и обмотал хвостом собственную морду так, что доносился только сдавленный стон. Да еще и крыльями глаза прикрыл.

А зрелище было роскошным. Я, раскрыв рот от восторга, упивалась дивной картиной: на Шурша напал, пока еще словесно, злобный демон со смуглой кожей, волной темных волос, когтями размером с ладонь и грозно распахнутыми крыльями — демонической формы с острыми перьями-копьями, но нежно-золотыми, сияющими, как невероятная драгоценность. Совсем не смешные крылья.

— По-хорошему прошу, помоги мне, Шурш! — демон бесстрашно нависал над драконом смерти, тербил его, намереваясь вытащить спрятанную морду из колец хвоста. — Ты ведь моему отцу помог, научил его, как крылья вернуть. А мне не надо возвращать, мне надо всего лишь переокрасить этот ужас. Чтобы они стали нормальными, черными. Не могу я больше прятаться, надоело! Лучше уж сдохнуть! А ты мне отказываешься дорогу показать к своим родичам. Ну что с тебя, убудет? Почему ты отцу помог, а мне не хочешь? Какую цену тебе надо заплатить за тайну? Я все сделаю, что ты скажешь.

Шуршу — я почувствовала — внезапно стало не смешно. Понял мой умный дракоша, что парень и впрямь на все пойдет. Он развернул кольца и так серьезно глянул в глаза просителя, что даже меня мороз пробрал, сердце замерло, а дыхание перехватило. Ой, что-то сейчас будет!

«Шурш, не надо!» — взмолилась я. «Надо, хозяйка. Пожалуйста, разреши». И я

промолчала.

— Все сделаешь? — переспросил дракон Смерти на языке династии Холь. — Совсем все, что захочу?

Второгодник и злостный прогульщик Ирек его прекрасно понял.

— Скажи, что ты хочешь, Шурш.

— Что-то должно умереть, демон. Что-то очень ценное должно навсегда для тебя исчезнуть в обмен на твою сокровенную мечту. Иначе не будет превращения.

— И... что же? — сразу охрип парень.

— Отдай смерти свою любовь. Настоящую любовь, истинную, единственную в жизни. За крылья, какие тебе надо. Настоящие темные крылья и настоящую жизнь демона. Тебе и идти никуда не придется. Все произойдет здесь и сейчас.

Ирек отшатнулся и замолчал, опустив голову. Встопорщенные крылья потускнели, повяли, как осенние листья.

«Хозяйка, уйди, пожалуйста, — жалобно взмолился Шурш. — Твоя сила мешает его выбору».

Ладони непроизвольно сжались в кулаки. Мешаю, значит. Да я ничего не делаю! Стою, никого не трогаю. Не дышу почти.

«Лица, он должен сам. Не зови Лойт, пожалуйста. Ты не можешь мешать Судьбе».

Медленно, беззвучно я отступила на лестницу. Даже боль в ноге с перепугу прошла. Я не имею права вмешиваться, когда разумное существо, наделенное душой и сердцем, выбирает судьбу.

Драконы мудры. А драконы Смерти, которых лунные девы называют Исполняющими Желания, — мудрейшие из мудрых. Даже маленькие. Они смотрят до дна души и назначают соразмерную цену. Всегда.

Значит, мечта Ирека о темных крыльях демона и свободном полете в небесах Тархареша соизмерима с великим даром любви, дающимся каждому при рождении.

Какой же силы должна быть его мечта...

Или как мало он ценит дар любви.

Цвет крыльев, какая мелочь. Для кого-то.

Из-за их солнечного цвета Тьма не смогла дать ему Отраженную тень. Не знаю, что это такое, но, наверное, что-то очень важное, если Сатарф не решился признать сына. А каково расти без отца, я хорошо представляла. Я помню свою тоску и боль, но я-то девушка, а Иреку пришлось еще хуже.

Из-за сияния своих крыльев он не мог летать в стране демонов и добровольно лишил себя неба. Тоже могу представить. Мои запертые крыловые щели зудят и ноют, спину нещадно ломит: крылья рвутся на свободу, но здесь их нельзя раскрывать. Это мука. Но я-то ее терплю каких-то полгода, а он — всю жизнь.

Из-за них не он, первенец, стал владыкой.

Не потому ли так чернеет его сердце, когда он смотрит на Дьяра? Синеглазому досталось все, чего лишен Ирек: и трон, и отец, и небо.

Не хочу знать, каким сейчас будет его выбор. Не хочу. Потому что мне больно и страшно за него.

Я бесшумно спустилась на первый этаж.

Бабка Кикируся, кастелянша Академии, а по совместительству нянька Темного Трона, сидела, насупив седые брови, в своем излюбленном кресле-качалке. Спицы так и мелькали в ее руках, но само рукоделие оставалось невидимым. Нитка тянулась от клубка в корзинке и исчезала в пяди от ловких пальцев ведьмы.

Она глянула на меня исподлобья и еще сильнее нахмурилась, скорбно опустив уголки губ. Проворчала:

— Вяжешь им всю жизнь, стараешься как проклятая, а они... — ее ладошка вспорхнула и вытерла морщинистую щеку.

«Да она плачет!» — ахнула я про себя.

— Принесло же тебя к нам с этим яйцом чешуйчатым, недовылупленным! Все ниточки мне перепутали! — причитала ведьма, снова взявшись за спицы. — Где ж это видано, судьбу так выворачивать с белого на черное? Златокрылый-то мой настрадался за свои годы, как и тебе не довелось. Только-только смирился с судьбой, оживать начал сердечком... Ох, зря я Шуршалу твоего в Тархареш пустила, змея подколодного. Еще и кормила его, заразу хвостатую, вкусненькое оставляла, ненароком будто бы, простынок ему не жалела, крахмалила, чтобы игрался. А он, неблагодарный, этакую цену брать с моего мальчика вздумал.

— Они лишнего не берут, — вздохнула я.

— А то не знаю! Да не нужны Иреку черные крылья. Не нужны! Судьбой какие дадены, те и иметь ему надобно, дабы все узорчики этого мира один к одному легли, ни петелькой не исказились. Думаешь, зря мы с сестрой его такими крыльями наградили? Не дуры, знаем, что делаем. Все просчитали от первого дня до последнего, все увидели, предусмотрели, увязали воедино. А тут эта кошка драная гребенчатая, дракон твой недощипанный пробежал. Почто не остановила его? О любви ведь речь! Жрица ты али столб соляной, бессердечный?

Ее прервал донесшийся сверху вопль:

— Ты издеваешься, дракон?!

Кикируся подняла к потолку блестящие влагой глаза.

— Вот. Слышишь? Торгуются. Еще не поздно вмешаться.

Закусив губу, я мотнула головой.

— Не могу. Нельзя нам приказывать в этих случаях.

— Нельзя, поди ж ты! — старуха раздраженно всплеснула руками, но тут же подхватила спицы, не дав им упасть, и сверканье стало нестерпимым — с такой скоростью они замелькали. — Кто ему хозяйка? Ты.

— И у хозяек есть предел власти. Они же нам не рабы и служат на определенных условиях.

— Жаль, — поджала она губы. — А ты подумай, что Ирек с непредназначенной ему судьбой, да любви лишенный, натворит? Брат на брата пойдет, схлестнутся и сгинут оба. Дьярушка тоже не лыком шит, не бечевкой вязан. Не уступит, хоть и младший. Да и сила теперь у него. А коли кончится их династия, вот тогда-то и порвутся чары, их кровью скрепленные, да высвободится кое-что похуже всех демонов, вместе взятых. Твоя же богиня взвоят, если уцелеет. Бессмертные-то быстро забывают, что и они тут только до скончания мира.

— И что же высвободится? — я лихорадочно вспоминала легенды. Уж не о той ли пакости речь, которая якобы выползла из хурговой бездны и выжрала половину мира, в том числе Темного? Именно с победы над иномирной тварью и началось правление династии синеглазых владык.

— Да ничего, — отмахнулась ведьма. — Не дадим. Хватит ляды точить, Аэлика. Внучок-то мой, золотце мое горемычное, — не железный, чай. Он ведь сейчас думает, что единственная любовь, может, и так ему не светит и не греет, так и ждать нечего. Привык он уже, что нигде не нужен. Ни у матери, ни у отца. Везде не ко двору, что на том берегу моря, что на этом. Так хоть гордыню уязвленную залечить думает, перед Сатарфом крылья черные развернуть, когда тот вернется. Скажи своей моли рогатой, чтоб заменил цену, иначе быть беде. Мне-то нельзя, запрещено мне в события напрямую вмешиваться. И запрет тот сейчас никак не обойти. Все нити натянуты, аж звенят.

Странно, кто мог что-то запретить самой Кикерис? Но я не стала выяснять, не до того.

«Шурш!» — позвала я.

Как назло, он отозвался не сразу. Выслушал и вздохнул: «Уже не могу ничего менять, хозяйка. Будут у него черные крылья демона, но не сейчас, а когда и если мое условие выполнит».

Кикируся по моим глазам все поняла, понурилась. Соломенная шляпка заслонила ее лицо. Спицы замерли.

— Время нам дал, хоть на том спасибо, — прошелестела она совсем тихо. — А скажи-ка мне, жрица... каково жить будет той единственной, ему предназначенной, коли он от нее откажется?

— Это та цена, какую платит богиня Лойт за служение драконов Смерти ее жрицам. Мы все — чьи-то единственные.

— Да не богиня платит, Ликушка. Сердечки девичьи платят, на одиночество обреченные. Тоской и постылой жизнью платят, — она вздохнула горестно и... исчезла, как не было.

Я забила в угол, чтобы Ирек не заметил, когда будет уходить. Не хотелось с ним встречаться. Нельзя. Сейчас — нельзя. Могу не удержаться, потянуться мысленно к его губам, хранящим невидимый след поцелуя сельо. Могу остановить его, пока договор с драконом смерти не исполнен. Могу. Но не буду. Нельзя.

Не заметил. Мелькнул тенью. Грохнула дверь. Торопливо простучали подошвы по ступенькам.

«Шурш, какое условие ты ему поставил и сколько времени дал на его выполнение?»

«Не скажу, — уперся дракончик. — Тайна договора».

В голове было пусто, в сердце осела горечь. Перед глазами вспыхнула картинка последнего вступительного испытания, когда я гонялась верхом на жутких тварях за хохочущим парнем с нелепой накладной бородой, когда под смех и улюлюканье трибун Ирек поцеловал меня.

Я вспомнила звезды, отражавшиеся в речных водах, и мужские ладони, скользившие по моей коже. И его глаза, когда он увидел оскорбительную печать Дьяра на моем теле. Не это ли стало последней горькой каплей, почти убившей его чувства к брату?

Как телохранительница, я не могу допустить их вражды. Что мне делать, богиня?

Молчишь? Тогда еще вопрос.

Если Ирек получит черные крылья и, как первенец, подвинет Дьяра с трона, то кого убийца назначит последней жертвой в своем чудовищном ритуале? Я не могу охранять

обоих. Договор дважды не заключают, а еще одну жрицу-хранительницу в Тархареш нельзя отправлять.

Я поднялась, ступила и снова чуть не грохнулась: забыла, что каблук у туфли сломан. Может, в комнате, куда, как я мельком заметила, вернулись кое-какие вещи, и более удобная обувь найдется?

В комнате нашлись и удобные сапоги на толстой подошве, и более подходящая, чем юбочка, одежда. Комбинезоны, штаны и черная учебная мантия были аккуратно сложены в шкафу. Переодеваясь, я проверила, какая буква с печати стерта на этот раз. И замерла в изумлении: кожа была чистой. Ни следа, ни крапинки!

Хоть что-то хорошее с утра.

«Шурш! Ты не знаешь, где мне найти Миранду?»

«Не видел, не знаю. Я скучал! — упрекнул малыш. — Давай поиграем?»

«Доигрались уже!»

Сбежав по лестнице, я распахнула наружную дверь и едва не налетела на Ирека.

Он сидел на нижней ступеньке лестницы, обхватив ладонями лоб. Услышав шум, медленно оглянулся. И от пустого взгляда его темных глаз стало страшно. Не мог же Шурш меня обмануть! Или мог? Или за эти несколько минут Ирек уже выполнил неведомое условие?

— Привет, Ирек.

— Мы уже виделись сегодня, Лика. — Он поднялся и размашисто зашагал прочь.

Догнала, засемила рядом по выложенной булыжниками тропинке между пожухлыми газонами, приноравливаясь к быстрому шагу демона. Он его еще ускорил, словно желал поскорей избавиться от моего драгоценного общества.

— Ты куда, Ирек? Ты же меня ждал?

Дернул плечом.

— Не тебя. Просто сидел, думал. А сейчас исполняю приказ владыки держаться от тебя подальше.

— Ну, мне-то он не приказывал. Можно за тебя подержаться? — и хватать его за локоть.

Он молча отцепил мои пальчики.

— Ирек, да стой же ты!

Остановился, мученически возведя к небесам глаза. Как будто я не заметила, как подозрительно они блестят. А еще говорят, демоны не плачут. Шурш, ты распоследний гад. У него и так было не много любви в жизни, а ты отбираешь даже надежду, что все еще будет.

Я решительно перегородила парню тропинку.

— О чем ты говорил с моим драконом, Ирек?

— Спроси у него.

— Он не скажет. Но ты можешь сказать. Какое условие он тебе поставил?

Ирек опустил на меня изумленный взгляд, мгновенно ставший злым.

— Ты о чем?

— О твоих крыльях, — максимально деловой тон. — Я их видела.

Он стиснул зубы. Процедил грубо:

— А тебе-то что? Какое тебе до меня дело, если ты стала фавориткой Дьяра?

— Телохранительницей! — вспыхнула я.

— Кого ты хочешь обмануть? Кто в это поверит? Над этим бредом с телохранительством все во дворце ржут. Малахольная девица взялась охранять самого владыку Тьмы и Теней. А

теперь еще и советница, ками-рани! Молодец мой братец, быстро же он выиграл пари. — Ирек окатил меня презрением, развернулся и пошел обратно к башне.

У-у-у! Как мне надоели эти два идиота!

И куда это он направился? Зачем кикирусиному «золотцу» в башню возвращаться? И спина у бастарда такая... прямая и решительная. И кулаки сжаты. И подбородок вскинута, как у героя перед последним смертным боем.

«Шурш, сгинь!» — скомандовала я.

«Куда?» — удивился смертеньш.

Да куда угодно, лишь бы подальше.

«В Белую империю, например, — предложила я. — Своего дружка-грифона проведать».

«А можно? — вспыхнул радостью дракончик. — Ур-ра-а-а!»

Ирек взбежал по ступенькам, рванул дверь, едва не заехав мне локтем по лбу, так как я не отставала. Все-таки плохо, что ведьма Кикерис покинула сторожевой пост и никто теперь не гоняет непрошенных гостей. Ломятся тут всякие, как к себе домой. А это моя башня!

Между тем второгонник уже ворвался на второй этаж. Ха, ищи-свищи. Нет тут уже никого!

Это его не смутило.

— Дракон Шурш! — громко воззвал он. — Я согла...

Воззвание перешло в сдавленное мычание. Ага, с кляпом во рту не покричишь, а поцелуй сельо, даже четырехмесячной давности — это такая штука, скажу я вам... Несмываемая. Хуже кляпа. Мне и прикасаться не надо к жертве, чтобы заставить ее онеметь. На любом расстоянии действует. Не дам я тебе подтвердить ваш договор! Ни за что! И пусть Шурш сколько угодно обижается и отказывается мне служить после такого вмешательства.

— Мм... — Глаза бастарда округлились, он схватился за губы. Наверняка их сейчас как льдом прихватило.

Он повернулся ко мне, уловил мое торжество и все понял, умненький. Зрачки сузились, полыхнули злющей багровой искрой, когти удлинились.

— Хрр! — с утробным рычанием онемевший демон ринулся на меня.

Оу, а в боевой форме он тоже красавчик!

Мы выскочили из башни в обратном порядке, и бежать мне пришлось очень быстро. Еще быстрее!

А дорожка между клумбами и газонами — узкая, извилистая, заколдованная, чтобы неразумные демоны не мяли ножищами бесполезную с их точки зрения травку и цветочки.

— Шрр! Рррррррр! — доносилось в спину все ближе.

— Мамочки! — заорала я. — Горгулечки! Убиваю-у-у-ут!

Каменные птицы мигом проснулись и обрушились с крыши.

Увы, они не посмели напасть на сына Сатарфа, пусть и незаконного. Да и невидимый магический поводок не давал опуститься на землю. Но и птенчика без защиты не оставили: замелькали над головами, угрожающе каркая. И одной — о чудо! — удалось просунуть крыло между мной и дышавшим в затылок Иреком.

Ох и врезался он со всего маху в птичку! Крыло-то у нее каменное.

Ирек, взревев от боли, замедлился. Я нарезала круги вокруг самой большой клумбы с чахлыми, уже прихваченными холодами астрами, пока не оказалось, что это не бастард за мной, а я за ним гоняюсь.

Приотстала. Разрыв уменьшился, и рычание злобного демона стало торжествующим.

Ну что ж он не успокаивается? Пора бы уже!

Нет, так дело не пойдет. Устала я. Вспотела. Волосы растрепались и лицо залепили. Убирая в очередной раз с глаз влажную от пота прядь, я оцарапала лоб колечком. Папа, спаси меня!

Вспыхнули руны: «Катись, катись колечко, на папино крылечко...»

Засияла арка светлого портала. Я быстренько нырнула в нее, пока академическая охрана не сработала.

Глава 4. Светлый маг предупреждает

Вылетев из портала, как пробка из бутылки, я споткнулась о стул и перекатилась по мягкому бежевому ковру. Следом ворвались горгульи. Смахнули аккуратные стопочки черных папок, возвышавшиеся на столе.

Бум! — в стену напротив одна за другой со всего маху врезались три каменных крылатых тела. И проломили насквозь.

А за ними тут же влетел золотокрылый демон, пронесся молнией и канул в образовавшемся проломе.

С шорохом осыпались белые листки из разлетевшихся по комнате папок. Ну, как всегда...

«Шурш! Если ты здесь, отправляйся в Серые холмы, передай привет моей маме», — не забыла я скомандовать. А то мало ли, найдут друг друга...

«Не хочу!» — донеслось в ответ. И правда обиделся на мое вмешательство. Эх. Еще одного друга потеряла.

Справа раздался невнятный звук, и я мгновенно взвилась, приняла боевую стойку. Лунный меч скользнул в ладонь.

На пороге стоял светлый архимаг с ошалелыми глазами, держался за косяк и силился что-то сказать.

— Привет, пап! — обрадовалась я, но на всякий случай меч не убрала. — Ты приглашал меня в гости? Вот, я пришла. Птичек моих не убивай, пожалуйста, они со мной. Ну, и этот урод, то есть Ирек, он тоже как бы мой друг. Вчера еще был. А что с тобой? Ты не рад меня видеть?

Выпалив все на одном дыхании, я замолчала, переводя дух и прислушиваясь к шуму за проломом. Там что-то выло, каркало и рычало. Алиан, переведя взгляд с меня на разломанную стену, тоже прислушался.

— Прости, мы тут немножко намусорили. Я уберу, честное слово, — не теряла я надежды на благополучный исход вторжения. — У тебя водички не найдется? А то пить ужас как хочется!

Алиан кивнул, щелкнул пальцами.

Черно-белый сугроб бумаг и папок растаял. Обломки стены зашевелились, как живые, и, вздыбившись с пола фонтаном, залепили пролом. Трещины затянулись, безобразное пятно покрылось краской, лепниной, позолотой, и вскоре ничто не напоминало об учиненной разрухе.

А на столе появился хрустальный графин с прозрачной жидкостью, стакан и поднос с чашками, дымящимся чайником и блюдом, закрытым высокой крышкой.

— Может, лучше чаю? — улыбнулся архимаг.

У меня прямо от души отлегло, и лунный меч растаял в ладони. Похоже, папуля не злится.

— Ну, здравствуй, дочка. Рад тебя видеть. Прости, что сразу не поздоровался. Надо было успеть принять меры, чтобы темные создания сдуру не пострадали. Так и знал, что без птичьего помета тут не обойдется.

— А...

— Все живы, не волнуйся. Да ты сама посмотри, — он кивнул на окно.

С моего прошлого разрушительного визита его уже успели восстановить. Створки по кивку мага распахнулись, решетка разошлась в стороны.

Подбежав, я высунула голову на улицу. И прыснула в кулачок. Дальше окружавших замок стен никто не улетел: застряли в саду. Ирек с птичками, плотно обмотанные сетями с головы до ног, маятниками раскачивались между деревьев, недовольно рычали и хрипели, но вырваться не могли.

Грифон и Шурш сидели на земле, запрокинув головы и разинув пасти, и провожали загнипнотизированными взглядами четыре маятника, особенно один, блестящий на солнце золотыми крылышками.

— И долго они там будут висеть? — обернулась я к отцу.

— Пока не укачает, — усмехнулся он. — Говоришь, Ирек — твой друг? У него нестандартные для демонов крылья.

— Он — мой однокурсник. А крыльев очень стыдится и обычно скрывает. Никто в Академии о них не знает.

— Ясно, — усмехнулся белый маг. — С такой яркой и явно недемонической приметой его бы и не приняли в Академию Тьмы. Что у вас с ним произошло?

— Э-э... заигрались в догонялки.

— Детский сад! — фыркнул Алиан. А голубые глаза лучились смехом. — То-то ты ворвалась взъерошенная и напуганная, как воробей ястребом.

— И ничего не напуганная!

— Пирожные будешь? Или лучше полноценный обед? Моя кухарка — одна из лучших поварих империи. Божественно готовит.

— Мне только чаю, — посмотрев на стол, я вздохнула. — Жаль, опять личные дела темных магов не увижу. У меня как раз до вечера время свободно.

— Увидишь еще. И все-таки мне удивительно твое любопытство. Расскажешь, зачем они тебе понадобились?

Я подумала, пока поглощала любезно предложенный чай. Почему бы и не рассказать? Алиан, похоже, искренне хочет мне помочь. К тому же он опытней и умней. И вообще ректор. К своим архивам может допустить, если я сумею его убедить.

Светлые кланы первыми пострадали от серийного маньяка. И две жертвы были адептками Академии Света. Если Верховная ошиблась и злодей не из темных демонов, то нужно искать у светлых. Самую главную подозреваемую — принцессу Заргу — пришлось перенести в конец списка. Теперь, когда я смогла прочитать в ее сердце через призму крови Дьяра, уже ясно, что она не желает зла брату. Но кто-то использовал ее как инструмент, кто-то вложил ей в руки кинжал во время коронации. Точнее, надоумил посредника, который уже мертв.

И я рассказала Алиану все, что когда-то говорила Сатарфу. Умолчала лишь о том, что Верховная собралась ловить убийцу на меня в качестве живца.

— Вот оно что... Лунная мистерия. Как же я, дурак, сам не сообразил? Старею... — вздохнул архимаг, не забыв подлить мне чаю и подвинуть тарелку с пирожными. — Получается, на Сатарфе убийца опробовал кинжалы и поторопил события, чтобы к Лунной мистерии новый владыка уже занял Трон, но не успел войти в полную силу. Темным владыкам нужно не менее года, чтобы укрепить связь с Тенями. Но почему вы решили, что преступник — из демонов?

— А зачем светлому магу присваивать тело владыки Тьмы? Мы подозревали Заргу, но

или ее использовали, или ее контакт с убийцей был случайностью.

— Женский голос, услышанный вашей жрицей перед смертью, мог быть искажен и только похож на голос темной принцессы, чтобы пустить вас по ложному следу. Да, согласен, очень похоже, что их конечная цель — Темный Трон. Но круг подозреваемых нужно расширить.

— Почему?

— Потому что демон не смог бы с таким размахом действовать в Белой империи. Как ни ленива наша канцелярия сыска, но демона они засекали бы. Видишь ли, дочка, расследуя ритуальные убийства, мы сначала заподозрили оборотней. Именно они контрабандой завозят к нам амулеты богини любви, а ее изображения найдены почти у всех жертв. У всех девушек была неразделенная любовь, вот они и обращались к Лойт. Следы преступника, насколько мы смогли проследить, тянутся от Серых пределов. Оборотни у вас там узаконены, а их жены, взятые из ваших девушек-сельо, все еще почитают вашу богиню. Связь очевидна.

— Ты думаешь, и в Академию Тьмы затесался оборотень? — Я умяла пирожное и потянулась за вторым. — И даже стал магистром? Но это невозможно, папа. Одна из наших погибших девушек видела мантию темного магистра боевой магии. Значит, он из высших магов. А Дьяр говорил, высшие от укуса не обращаются, а умирают.

— Мантия еще ни о чем не говорит. Одежду несложно украсть. Если оборотень — из обращенных низших, то вполне мог просочиться в Академию. Не все же там высшие. На факультете зелий темная магия почти не нужна, хватит и универсального бытового уровня. Уверен, что в Академии Тьмы есть оборотни. Как, впрочем, и на наших кафедрах. Мы нашли среди наших учителей трех таких магов-оборотней. Один даже дослужился до звания магистра первой ступени. Алиби есть у всех, но все равно мы их тихо убрали.

— Убили?

— Зачем? — удивился Алиан. — Обработали, обвешали заклятьями и сослали в глушь, чтобы они следили за своими и нам докладывали. С оборотнями только зазевайся, и они уже всю страну обратят.

Что-то в этом есть. Оборотни...

— Не понимаю, зачем оборотню Темный Трон?

— Да хотя бы затем, чтобы узаконить свой народ, как в Серых холмах. Но если эта версия верна, у преступника ничего не получится. Он возьмет тело и душу владыки Тьмы, станет полноценным демоном и возненавидит вчерашних родственников. Я попробую облегчить тебе работу, дочка. Прикажу просеять все личные дела темных магистров, но вряд ли это что-то даст. Искать надо среди незаметных. В академиях, кроме преподавательского состава, работает масса служащих. Ассистенты, лаборанты, охрана, наконец. Рабочие убирают помещения, следят за оранжереями, зверинцами и прочим. Да и адепты тоже не все из высших. Кстати, ты не передумала насчет обеда?

— Попозже, пока не хочу. Папа, если владыкам нужен год, чтобы войти в полную силу, то Дьяр беззащитен?

— Уже нет. Сатарф сделал лучшее из того, что еще мог: отдал сыну защиту Трона.

— Что-то ему самому она мало помогла.

— У врага уже не будет эффекта неожиданности. Кинжалы-близнецы — страшная вещь. Надеюсь, Дьяру хватит ума уничтожить попавший к нему в руки кинжал. Твоя служба при его персоне будет круглосуточной? Как ты собираешься охранять нового Темного владыку?

«А вот это уже секрет, папа». Я пожалала плечами, улыбнулась:

— Я лишь посредница. Договор, по сути, заключен с богиней Лойт, а боги не спят.

— Ясно. Лучше бы ты прямо сказала: не лезь не в свое дело. А то все на эту дряхлую стерву сваливаешь.

— Вот и Сатарф ее ненавидит, — пожаловалась я, подняв глаза. Интересно, что скажет папуля, когда я стану Верховной жрицей? Встретилась с его встревоженным взглядом. И опять показалось, что он читает мысли. Надо срочно менять тему, подальше от Лойт. — А ты покажешь мне свое истинное лицо?

Он отрицательно качнул головой.

— Пожалуй, не сейчас. На тебе чужой и мощный артефакт, Лика. Через него могут смотреть глаза моих врагов. Точнее, врагини.

— Какой еще артефакт?

Если он почуял печать... нет, Дьяр снял ее полностью. Ох, у меня же еще селенис есть, любимый камень изгнанной белыми магами богини Лойт! Неужели Алиан видит спрятанное под пологом невидимости украшение?

— У тебя на шее, — подтвердил он мои подозрения.

— Я закрою его, богиня не увидит, — и положила на камень обе ладони.

Архимаг чуть поморщился, опустил веки и ничего не ответил. Но, когда он поднял взгляд, в комнате как будто стало еще светлее. На меня смотрели удивительные глаза. Не бледно-голубые, а зеленые, почти мои. Но и другие, совсем. Яркие, лучистые, как изумрудные звезды. Убийственно ледяные звезды.

Алиан резко помолодел. Кожа разгладилась и посветлела. Волосы приобрели золотистый блеск, а прямые брови, наоборот, потемнели и хищно изломались, складки у губ стали жесткими.

Больше ничего в нем не изменилось, но мне было явлено другое существо.

Если бы в нашем мире существовал бог войны, он выглядел бы именно так.

Я почувствовала, как сердце ухнуло в пятки. Даже Сатарф не наводил на меня такого страха. И Дьяр на троне. От белого архимага веяло чудовищной, жестокой и равнодушной мощью.

И только такая мощь могла одолеть смертельную магию гиньи и остановить превращение Эльды в тварь.

— Ничего себе! — прошептала я.

Глаза, осветившие истинный облик Алиана, померкли, и его лицо стало прежним. Красивым, благородным, но куда более скучным.

— Никому не рассказывай, хорошо? — попросил архимаг, довольный произведенным эффектом.

От окна послышался судорожный выдох. Я резко развернулась. Там, распутив блистающие крылья, стоял Ирек. Растрепанный, помятый и почему-то на одном колене, как рыцарь на присяге. Он уцепился когтями за край подоконника, таращась на лицо Алиана.

— Это и к тебе относится, демон, — отец и бровью не повел, но в голосе прогремела сталь. — Кому скажешь об увиденном...

Ирек промычал что-то невразумительное.

Все-таки в том, что я — жрица, есть и плюсы: на тебя никогда не наорут. Намычать могут. Нарычать. Настонать. Но возразить, да еще и обругать — никогда.

Однако заклинание немоты надо все же снять с бастарда, а то прибить он может и молча.

— Не слышу тебя, гость, — Алиан недоуменно поднял бровь.

— П-понял, — выдавил Ирек, старавшийся на меня не смотреть. И, осознав, что дар речи к нему вернулся, облегченно вздохнул: — Не скажу. Да и не видел я пока ничего особенного.

— Знакомься, папа, это мой друг Ирек, — поторопилась я представить их. — Ирек, это архимаг Алиан, мой отец.

— Он — твой отец? Он? Ректор Академии Света?! — вскричал бастард. — Хургова бездна!

— Не смей ругаться! — зашипела я. — А то онемеешь навсегда!

Алиан вскинул руку то ли в угрожающем, то ли приглашающем жесте.

— Входи, юноша, раз уж пришел. Присаживайся к столу, поговорим.

Ирек не стал стесняться. Спрыгнул на пол, уселся за стол, украдкой показав мне кулак, и нахально притянул к себе графин со стаканом.

— Вы позволите? — покосился он на архимага. — Пить очень хочется.

Алиан позволил. Мы понаблюдали, как жадно демон выхлестал три стакана подряд. А потом архимаг поинтересовался:

— И зачем же внебрачный сын Сатарфа гнался за моей дочерью?

Грохнув опустошенным стаканом о столешницу, парень выверился на меня:

— Отшлепать! Жаль, не догнал. Это ты ему разболтала, кто я?

— Ничего я не говорила!

— Тихо! — Архимаг поднял ладонь, и воцарилась тишина.

Мы с Иреком злобно разевали рты друг на друга, пока не осознали, что ни звука из них не вырывается. Ничего себе! И без всяких колдовских поцелуев. Мне бы так.

Убедившись, что спокойствие в аудитории восстановлено, ректор Академии Света изволил просветить неразумных:

— Успокоились оба? — Мы дружно покивали, архимаг опустил ладонь. — О том, что из себя представляет каждый из тех, кто окружает в Академии Тьмы мою единственную дочь, мне известно от наших соглядатаев. Это во-первых. Во-вторых, мне известно многое из того, о чем и соглядатаи не догадываются. Например, факт рождения странного мальчика по ту сторону моря и факт появления через какое-то время в Кардерге не менее странного демоненка, к которому тогда еще молодой и неженатый владыка Сатарф проявлял весьма и весьма пристальный интерес. Я слежу за тобой с твоего рождения, Ирек Гил. И неслучайно позволил тебе войти в мой дом.

— Благодарю за честь! — фыркнул бастард, все еще злой, но уже не на меня, а на то, как светлый маг легко и непринужденно заткнул темного. — И за что же я удостоен?

— Пока ни за что. Вопрос нужно ставить иначе: для чего я позволил тебе попасть сюда и почему терплю наглость юного нахала? Так вот, я поговорил с драконом смерти и узнал кое-что о твоих планах. — Алиан покосился на мое возмущенное лицо — мне-то дракоша не раскололся! — и тепло улыбнулся. — Не сердись, дочка. Я хотел знать, почему Шурш на тебя обиделся, а ему хотелось кому-то пожаловаться на хозяйку. К тому же твой дракон слишком любит мед из нектара редких цветов, растущих только в наших высокогорных лугах. Он бы мне и душу бессмертную продал за баночку эдельвейо.

— Ябеда и взяточник! — пробурчала я.

Алиан хмыкнул и снова взялся за бастарда:

— Так вот, Ирек Гил. Считай, что ты пришел сюда выслушать мое предупреждение.

Если ты попытаешься осуществить задуманное, будешь иметь дело не с той разрозненной и ослабленной Белой империей, какую вы знаете сейчас, не с престарелым императором и даже не с ковром белых магов. Ты сразу, не успев занять Темный Трон, получишь вызов от меня лично.

Ирек недоуменно поморгал и, осознав, что говорят все-таки о нем, возмутился:

— Да я и не собирался занимать Трон! С чего вы так решили? Я всего лишь хотел иметь нормальные крылья и не париться с иллюзиями. Достали они меня уже! Да и вы все достали! Даже бабка Кикерис туда же: подозревать меня в заговорах против младшего братишки. Он — законный наследник, а я — бастард, и не рыпался никогда. Меня вполне устраивает моя роль в тени. Пусть у него голова болит о политике, интригах высших магов и преступлениях низших. Но я хочу летать, не трясясь, что кто-нибудь увидит мое уродство, поймите вы все!

— Или чтобы твоя мать не поняла, что ее сын не погиб в море, и не потребовала твоего возвращения?

— Не ваше дело, архимаг Алиан, — надменно вскинулась темноволосая голова. — Никакая сила не дает вам права соваться в мои дела и договоры с кем бы то ни было.

— Право не дают, его берут, — заледенели папины глаза. — И я не привык напрасно сотрясать воздух, Ирек Гил. Да и госпожа Кикерис — существо не от мира сего, но для мира нашего — не страдает привычкой болтать попусту. Она не стала бы зря беспокоиться о возможных переменах, если бы они не угрожали основам. Стоит тебе обменять одну мечту на воплощение другой, и ты забудешь о том, что тебя когда-то устраивала твоя второстепенная роль. Забудешь о любви. К брату, отцу, девушке... Жизнь есть любовь, а ты станешь мертвым. На Темный Трон сядет мертвец.

— Так вы почитатель богини Лойт? — хохотнул упрямец, но его лицо побледнело.

— Лойт и любовь — слишком разные сущности, чтобы проводить такие аналогии. Я предупредил, юноша. — Алиан для пушного эффекта пристукнул ладонью по столу. — Ты о своей матери подумал?

Ирек снова взвился:

— Ты ее не тронешь, маг!

— Разумеется, нет. Зачем? Просто сообщу ей о том, что ты жив.

— Сообщай, — парень дернул плечом. — Это ничего не изменит. Ей нет до меня никакого дела, и в Тархареш за мной она тем более не потащится. Да и кто ее пустит?

Мне надоело крутить головой, переводя взгляд с одного на другого. Я облокотилась о столешницу и опустила многострадальную, уже опухшую от обилия новых проблем голову в сцепленные ладони.

— Ирек, а кто твоя мама?

Бастард покраснел, отвел взгляд. Буркнул:

— Неважно.

— Неужели не догадалась? — удивился отец. — Крылья у него, как у солнечной девы. Цвет и сила, а не форма. Уникальный мальчик.

— Я не мальчик! — огрызнулся Ирек.

— Но ведь у солнечных дев, как и у лунных, не рождается крылатых мужчин! — растерялась я.

— Ты уверена? — Алиан иронично ухмыльнулся, напомнив мне почему-то Сатарфа. — Может, маленьким сельо просто неизвестно, что в вашем сугубо женском царстве случается

с крылатыми мальчиками? Ведь такие рождаются только от высших магов, светлых или темных. Тот, кто наделен крыльями, наделен и магией, а конкуренция лунным девам не нужна. К тому же роды у сельо всегда принимают жрицы Лойт. Трудно ли избавить младенца от крыльев или даже придушить ненароком? Чтобы в Серых пределах не было угрозы власти женщин во веки веков. У солнечных то же самое.

— Неправда! — возмутилась я. Не понимаю, чего добивается отец такой наглой ложью? Зачем он пытается то Ирека выбить из равновесия, то меня зацепить? Какую интригу опять плетет? И я тут же заставила себя успокоиться. — Во-первых, жизнь для жрицы Лойт свята. Тем более жизнь ребенка. Во-вторых, можно сохранить один случай в тайне, но если крылатые мальчики-сельо рождались регулярно, скрыть такое невозможно!

Со светлого как с гуся вода. Безмятежно улыбнулся, сощуривав фальшивые бледно-голубые глаза:

— У меня есть доказательства, и ты их потом увидишь. Да и само существование нашего гостя говорит о том, что небывалое бывает. — На этих словах Ирек дернулся, но промолчал, и довольный архимаг сдал мне его с потрохами: — Лика, твой друг — сын младшей дочери владычицы Золотого берега. Гейдара всегда была легкомысленнейшей и любопытнейшей из них. Уж не знаю, как она добралась до своей мечты — увидеть настоящего демона и сразить его красотой, но это случилось на каком-то из Вольных островов. Сатарф много путешествовал перед тем, как занять Темный Трон. Пытался обмануть Лойт. С солнечной девой почти удалось, но назвать ее владычицей Тьмы и Теней было немыслимо, сама понимаешь.

— Хватит, светлый! — Ирек демонстративно отодвинул блюдо с булочками, так их и не попробовав, и сжал кулаки.

Алиан не обратил внимания на угрозу.

— Гейдаре хотелось настоящего демоненка в игрушки. Пугать подружек. Дикие-то демоны, истинные воины Тьмы, им не по зубкам. Да если и попадают высшие темные на Золотой берег, то уже сломанные, с подрезанными крыльями, в рабских ошейниках — неинтересно. Непонятно, за какие заслуги перед Чистым Небом Гейдара получила от судьбы невероятный крылатый подарок. Хотя даже это не заставило капризную принцессу признать сына наследником. Как можно, у него же клыки и прочие проявления Тьмы, невозможные для солнечных детей! Да и рожала она тайно, понятное дело. Даже ее царственная мать не догадалась. До сих пор в неведении. Растили мальчика рабыни. В подземелье, как пленника. Он же темный, ему полезно, решили эти солнечные дуры. Что, Ирек, твоя память это милосердно вычеркнула? — он посмотрел в глаза побледневшему парню. — А вот я о тебе все знаю. Почти каждый твой шаг отследил.

— Зачем? — хрипло спросил демон.

— Ты уникален, а я люблю собирать редкости, — с нарочитой циничностью ответил архимаг.

Вот зачем он хочет выглядеть хуже, чем есть? «А разве есть куда хуже?» — удивилась богиня на дне моего сердца. Ишь, бдит! Только ее нам тут не хватало! Но как лишить ее слуха и при этом не оглохнуть самой? Я сосредоточилась на пении птиц за распахнутым окном. Голос отца отдалился и доносился словно издалека:

— После встречи Гейдары и Сатарфа я, естественно, приставил лазутчиков и к ней. А уж первенца будущего владыки Тьмы тем более не мог оставить без наблюдения. И можешь не благодарить меня за то, что ты выжил и не ослеп в темноте. Более того, ты, Ирек, не стал

идиотом, хотя тебя бросили в одиночестве и по твоей люльке бегали мыши, а в пеленках кишели вши и клопы. Кормить тебя еще кормили по приказу Гейдары. Из бутылочки с козьим молоком. Кормили, надев железные рукавицы на твои младенческие кулачки с острыми когтями. Но заниматься с тобой, учить и воспитывать никто не хотел даже по приказу. Кроме одной странной женщины, которую никто не замечал. Существа не от мира сего. Это моя суэнни Брегетта нянчила тебя до семи лет, и приходила она по моей великой просьбе. Когда Гейдара совсем о тебе забыла, суэнни вынесла тебя под носом у стражи.

— Я ее помню, ту старушку, — прошептал Ирек. Кулаки он давно спрятал под стол. — Почему же она не унесла меня сразу? Зачем было столько ждать?

— У полукровок только к семи годам становится понятно, какая сила победит, светлая или темная. Когда окончательно выяснилось, что ты все-таки выживешь, но в качестве темного мага, везти тебя в Тархареш моя суэнни категорически отказалась. Не любит она демонов.

— Не любит, но со мной нянчилась? — криво усмехнулся Ирек. — Даже догадываюсь почему. Ты хотел использовать меня в торговле с моим отцом, да, светлый?

— А как Ирек попал к папочке? — срочно встряла я. Не хочу разочаровываться в недавно обретенном папе, у него и без того грехов достаточно. — Случайно?

— Когда за дело берется суэнни, все случайности закономерны, — пояснил Алиан. — Брегетта пришла с мальчиком в порт, проникла на подходящее, по ее мнению, судно и там отпустила темного ангелочка. Парень забился в трюм и обнаружили его только в море. Корабль, кстати, был пиратский, ни о каком возвращении к берегу и речи быть не могло.

Ирек поморщился.

— Лучше уж я сам расскажу, если позволите. Меня не обнаружили бы, пищи в трюме хватало, воды тоже, прятаться и ходить тенью я уже умел. Если б не крысы, так и доехал бы. Неизвестно куда. Я крыс испугался и начал душить их темной магией. Вот корабельный маг и всполошился, они у пиратов все темные. Да, а капитаном того фрегата был человек с Вольных островов, ставший вскоре тестем владыки Сатарфа. Благодаря мне дядька Грейт и стал им. Его маг, как увидел неучтенного пассажира, убедил пирата везти меня не на невольничий рынок и не к солнечным девам за выкуп, а в Тархареш. Мол, награда будет больше. Он тайно отправил весть Сатарфу, и так же тайно мой отец прилетел за мной. Брак с дочерью капитана был частью платы за меня. Мне потом уже рассказали, как это было.

— Неужели Грейту хватило смелости потребовать у владыки плату? — заинтересовался Алиан.

— Не ему. Капитан к тому моменту пьян был в стельку. Сатарфа принимала его дочь. Она и нянчилась со мной в пути, других женщин на корабле не было. Она и назначила плату. У нее была любовь с первого взгляда. Первая и единственная. А отец... — демон цинично усмехнулся. — Он тогда еще ни одной юбки не пропускал. Это после встречи с госпожой Эльдой он изменился.

Алиан мгновенно помрачнел.

А я представила золотой свет за спиной Ирека. И клыки, и шипы, и боевые когти. Потрясающий контраст. Особенно для изнеженных солнечных дев — полной противоположности лунным.

— А теперь к делу, Ирек, — голос архимага стал строгим. — Белую империю не устраивают такие перемены в Тархареше, когда к власти рвется не просто темная лошадка, а такая, от которой непонятно чего ждать. Я имею в виду готовящийся кровавый ритуал. Раз уж у

нас общая беда, передай владыке Дьяру, что я предлагаю объединить усилия в поиске ритуального убийцы. Мне есть что сказать о кинжалах эпохи Шарх.

Ирек поднялся, растерянно посмотрел на раскрытое окно, за которым всюду светило солнце в безоблачном небе. Полдень — не лучшее время для умеющих ходить тенями.

За плечами демона заструились яркие, как лучи, сполохи. Он что, собрался лететь? Через Серые холмы в Тархареш? Самоубийца. Наши сельо такого золотого мотылька ни за что не упустят, мигом приберут к жадным лапкам и схарчат.

Я тоже вскочила, выпалила скороговоркой:

— Пап, мне пора, я еще с подружкой хотела встретиться, спасибо за пирожные. Загляну к тебе завтра, заберу горгулий. Ирек, ты меня проводишь?

Колечко на моем пальце замерцало, с него сорвались и поплыли в воздухе светящиеся руны, обрисовывая контуры портала: «Катись, катись, колечко, в дом к милому сердечку...»

Что-о? К какому сердечку? Милому?! Да никогда!

Схватив вяло сопротивляющегося парня за руку, пока и он не прочитал всякую фольклорную чушь, я потащила Ирека в портал.

— А как же я, хозяйка?! — донеслось вслед паническое, смертельно-драконье.

Я проворчала:

— А ябеды добираются сами.

* * *

Портал открылся почему-то не в мою комнату в Темном дворце, а на второй этаж Башни трех принцесс — огромный, как парадный зал гномьей пещеры. Может быть, он запоминал точку отбытия?

Крепкая ладонь Ирека стиснула мое плечо, не дав сделать последний шаг на черные плиты.

— Ты что? Пусти! — возмутилась я. Неужели не понимает: если портал схлопнется, то нас просто разорвет в пыль!

Он что-то сдавленно прошипел, торопливо водя по воздуху второй рукой. Сияние арки погасло за спиной, и наступивший в помещении полумрак показался густым, как черничный джем, хоть ложкой черпай. Шурш любил темноту и законопатил краденными простынями и без того узкие бойницы.

— Защиту снимал, — пояснил Ирек, убрав с плеча ладонь. По его виску стекла капелька пота. Я запоздало охнула, а парень укоризненно покачал головой. — Вот-вот. Забыла, куда идешь? Тут Академия Тьмы, а не лужайка светлого леса.

— Так я же уже ходила сюда порталом! И ничего не случилось.

— В тот раз няня Кикерис защиту успела снять, иначе бы тебя по стенкам разметало. А после светлых тут еще укрепили охрану. Дай мне свое колечко, надо настроить нашу охранную систему на него, чтобы ты могла ходить своим порталом без риска для жизни. Верну завтра, не переживай.

Я без раздумий стянула с пальца кольцо и отдала. Уйти я могу в любой момент и без папиного портала, Лунным мостом.

Глава 5. Советница при исполнении

Занятия в Академии все-таки начались. Видимо, новый ректор оказался не таким бесхребетным, как Вултон, и не уступил Дьяру. А может, синеглазый и не стал тиранствовать и вмешиваться в учебный процесс. Но прибыли не все: многие студенты, как потом оказалось, с чего-то решили, что каникулы продлятся, пока не пройдет тринадцать ночей.

Миранда тоже еще не приехала. А учитывая, что из тех, с кем я сблизилась за время поступления и первый семестр, четверо оказались светлыми предателями, мне было совсем одиноко. Только Ирек скрашивал мое одиночество за партой, но был он на удивление молчалив.

Преподавали кое-как: было видно, что наставники подавлены мятежом в стенах Академии и его разоблачением, и их ряды были несколько прорежены. На нашем курсе не хватало двух преподавателей, и был объявлен конкурс. Куратора Грида Сайка тоже еще держали под арестом.

Лекторы дремали на занятиях, включив амулеты с записями, студенты скучали, я зевала и тоже пользовалась атмосферой всеобщей расслабленности.

Днями и до поздней ночи мне приходилось присутствовать на бесконечных дворцовых церемониях. Хорошо, что лунные девы тоже ведут преимущественно ночной образ жизни и мне не привыкать к бдению. Моя работа советницы заключалась в том, что во время приемов в Малом тронном зале я стояла по правую руку от владыки Тьмы, рядом с Янге. Место по левую руку занимала могучая фигура Сэйвана, в чьей тени терялся глава ковена.

Каждая победа Дьяра над очередной Великой Тенью и его с ней слияние заканчивались тем, что прибывали посланцы от клана во главе с их князем и приносили Дьяру вторую присягу уже не только как владыке Тьмы, но и как повелителю Теней.

Естественно, прибывали гости со всем двором, уже более представительной делегацией, включая незамужних дочерей. Среди них Янге, глава ковена и я должны были отбирать тех, кто останется на завершающий церемониальный бал. Критерии были просты: красота претендентки, невинность и если не любовь, то хотя бы симпатия к владыке Тьмы и Теней. От каждого клана отбиралось по тринадцать девушек. В Тархареше эта цифра считалась истинно демонической.

Пока я валялась с помятыми ребрами, Янге и новый глава ковена, архимаг Рахт, как-то обходились без меня, отобрав за пропущенные мной три аудиенции тридцать шесть девиц из ста шестидесяти девяти. Я не стала оспаривать их выбор, да это было и невозможно: девицы уже разъехались готовиться к церемониальному балу, которым, если Дьяр справится со всеми Тенями, закончится его борьба за Трон.

И все шло хорошо. Дьяр мужал и стремительно менялся с каждой победой, все больше приобретая черты лица и характер Сатарфа. Все меньше в молодом владыке оставалось мягкости, а сила чувствовалась даже во взгляде.

Честно говоря, новый Дьяр нравился мне гораздо больше. У меня даже сердце замирало каждый раз, когда я встречалась взглядом с его синими глазами. Но тем холоднее я делала лицо, прекрасно понимая, что эти странные, непривычные мне чувства — лишь результат магического договора между нами. Наверняка это трепетала капля крови Дьяра на дне моего сердца, что же еще.

Я даже несомневалась, что он не даст Теням одолеть его, да и их шансы вырваться с

каждой ночью уменьшались. Ночевала я в Башне трех принцесс, и об очередной победе узнавала только утром, от Ирека. Вот он, наоборот, мрачнел с каждой ночью все сильнее, и я держала Шурша как можно дальше от Тархареша в целом и от Кардерга в частности.

Тоска. Даже поговорить не с кем, кроме Кикируси, но ведьма тоже либо отсутствовала за стойкой кастелянши, либо красноречиво дремала.

Прошла решающая тринадцатая ночь после коронации. Меня привычно разбудил громкий клекот горгулий, ссорившихся во время кормежки. Я сразу «прислушалась», как там Дьяр. На душе было спокойно. Значит, ночь прошла без эксцессов, иначе Лойт подняла бы свою жрицу.

Я надела «кольчугу» под платье, сверху набросила мантию: сегодня было много занятий, да еще практика в вивариях до вечера, и у меня не будет времени переодеться для вечерней аудиенции, когда к присяге подведут последний, Тринадцатый, клан. Неужели совсем скоро сумасшедшие почти две недели закончатся? Еще бы бал пережить, и мне долго не придется нырять в небытие, чтобы взглянуть на мир «оком сердца». Хотя сегодня я буду присутствовать лишь для порядка — сердца неуспокоенных мертвы, и из вампиров выбирать невест не придется.

Сердце екнуло, когда я увидела мертвенно-бледное лицо Ирека, уже сидевшего за партой в аудитории. До лекций было еще минут пять, и он бездумно постукивал кончиком карандаша по тетради, о чем-то размышляя.

— Привет. Ты почему такой мрачный? — Я вытащила тетрадь, карандаш и засунула рюкзачок под стол. — Что-то случилось?

— Нет.

— А с владыкой все в порядке?

— Да.

— А ночью Дьяр победил последнюю Тень? — спросила для проформы, потому что, будь иначе, Ирека тут не было бы.

— Нет.

Сердце оборвалось и подпрыгнуло к горлу.

— Как это нет?

Ирек оглянулся, посмотрел по сторонам, не подслушивает ли кто, и, склонившись к самому уху, прошептал:

— Тень Великого Неуспокоенного не явилась, Лика. Впервые за многие века с момента объединения вампиров с темными кланами их Тень проигнорировала наследника.

— И что теперь будет? Война?

Ирек пожал плечами, а я подавила желание немедленно бежать во дворец. К тому же в кабинет вошел преподаватель, магистр Пирес, преподававший основы ядоведения для боевого факультета. Окинув взглядом реденькие ряды адептов темных наук, он скривился.

Еще сильнее высшего демона перекосило при взгляде на меня — он терпеть не мог мою персону, как и всех лунных дев. Еще бы. Тайны наших ядов я ему раскрывать не собиралась, как он мне ни угрожал после того, как моя истинная раса была раскрыта. Даже отчислением грозил, поганец, пока не вспомнил, что у него есть незамужняя дочь, которую неплохо бы пристроить замуж за Дьяра. После этого начался шантаж, пока намеками, пока не говорилось ничего такого, чтобы я могла пожаловаться на шантажиста. Темные все такие. Особенно изощренные в интригах магистры.

— Лика Тария, вас вызывают к декану вашего факультета... в сопровождении Ирека

Гила.

Теперь одна я ходила только в пределах своей башни, больше нигде и никуда. Во дворце и Академии мою персону сопровождали «серые». Или Ирек, как сотрудник тайного сыска.

В деканате факультета боевых искусств околачивался сержант мракармии. И вообще что-то многовато вояк было в Академии, совсем как в день, когда Дьяр брал заговорщиков на горячем.

— Лика Тария, Ирек Гил, вас вызывает владыка, — поклонился сержант.

Я покосилась на второгодника. Интересно, почему Дьяр не вызвал его через Теней? Ведь братья свободно общались!

— Его Темнейшество просил передать, чтобы вы не пользовались тропами Теней. Запрет касается всех, кто не принадлежит к двенадцати живокровным кланам целиком и полностью.

Ясно. Мой договор с разжалованным князем клана Вечерних теней тут не прокатит, а Ирек... Может быть, именно на пути рода владык, последних из клана Полночного звездопада, и караулит непокорившаяся тринадцатая Тень Неупокоенного?

Переглянувшись, мы с Иреком направились к выходу в сопровождении охраны. И все же я тихонько спросила, коснувшись серьги:

— Янге, тут за нами конвой прислали. Нам идти с ними?

— Да, Лика, можешь доверять сержанту Урртану. Владыка собирает совет, — ответил мой шеф, которому я формально подчинялась как телохранительница.

* * *

До дворца мы добрались без приключений. К счастью, строение в виде гигантского рогатого кактуса находилось на соседнем холме. Я первое время пыталась зарисовывать еженощные метаморфозы дворца, но потом плюнула: не уследить. Мало того что он каждую ночь менял холм, выбирая один из тринадцати по какой-то только Тьме известной последовательности, так еще мог, стоя на одном месте, перетекать из одной формы в другую. К счастью, внутри эти метаморфозы не ощущались.

Совет был собран в Малом тронном зале, на самом деле — огромном помещении, в котором моя башня смотрелась бы как одинокая колонна. Малым он назывался потому, что Большой находился на крыше, под открытым небом, и использовался только при таких исторических событиях, как коронация и женитьба владыки Тьмы и Теней.

Дьяр восседал на четырехкрылом троне, как две капли воды похожем на большой, только раз в десять меньше. Выглядел трон как камень в перстне: от него по обе стороны ободком стояло полсотни кресел в два ряда. В центре круга был водружен низкий треножник, а в нем кипело черное пламя, выстреливая вверх фиолетовыми и синими протуберанцами. Отсветы падали на сосредоточенные лица советников: князей двенадцати кланов и сильнейших архимагов, ведавших различными службами Темного Трона.

Четыре кресла из полсотни пустовали, но два заняли мы с Иреком: одно — я по правую руку владыки, на второе, почти напротив трона, посадили бастарда, которому вообще-то присутствовать на совете было не по чину. Но после военного марша в Академии Ирека сочли фаворитом Дьяра, и никто не удивился его присутствию.

К моему удивлению, не одна я из женщин скрашивала демонический совет: я заметила

нескольких магистресс и девушку, заменявшую в секторе Ночных шорохов отправленных в поход отца и брата. Она щеголяла татуировкой на черепе, обритом наполовину, и маленькими кольцами, вставленными в губу и бровь.

Все они были уже проверены на предмет лояльности новому правителю, лишь в «шмонарке» тлела обида за семью, но это чувство было настолько слабым, что ни о какой потаенной мести не могло быть и речи.

Дьяр поднял руку с выставленными мизинцем и указательным пальцами — «рога», жест благословения Тьмой, и в мгновенно наступившей тишине разнесся его голос:

— Я призвал вас, мои преданные советники, дабы решить вопрос уничтожения Тринадцатого клана, чья Тень посмела нарушить тысячелетнюю клятву преданности Тьме и Трону. Так как это деяние, подрывающее устои нашего союза, я не могу принимать такое решение в одиночку.

— Война! — обрадовались все до одного демоны.

— Наконец-то мы избавим Тархареш от трупной вони! — азартно подхватили демоницы.

— В одиночку тебе с ними и не справиться, молодой владыка, — фыркнул и расправил мощные плечи князь Багряный, тоже не самый покорный из демонов.

Дьяр перевел на него сверкнувший гневом взгляд:

— Я и не собираюсь пачкать руки о неупокоенных мертвецов, забывших клятвы, князь Трирш. И моим подданным не позволю.

Трирш расхохотался:

— И как же ты их уничтожишь? Силой мысли? Вижу, свалившиеся власть и сила совсем вскружили тебе голову, сын... корабельной женщины.

Синеглазый презрительно усмехнулся, и взгляд его преисполнился жалости к мыслительным способностям правящего князя.

— Так же, как тебя, Трирш. Отзову Тьму.

По моим наблюдениям, Дьяр и бровью не повел. Лишь его синие глаза потемнели до чернильной густоты ночи, а треножник в центре круга полыхнул высоким языком мрака, словно раскололся воздух и само бытие, сама реальность дали трещину в небытие. Это было настолько жуткое зрелище, что я задрожала, а Янге протянул руку и молча сжал мое плечо.

В этот миг, когда замерли даже сердца ужасающих демонов, Трирш захрипел, а из его груди выплеснулся черный поток — нет, не крови — магии. Той темной силы, которой живут высшие демоны. Сполох влился в щель, разверзтую над треножником, и темное пламя опало, а трещина закрылась.

Все выдохнули с облегчением. По лицам демонов стекали капли пота, а кое у кого затряслись руки, и в первую очередь у Трирша. Он еще дышал, неверяще глядя перед собой. Но через миг радость от того, что остался жив, сменилась диким ужасом. Князь захрипел, сполз, встав на колени, и тут же повалился ничком.

— Верни, — шептал он. — Верни мне силу, владыка. Рабом буду... ноги целовать... верни...

Шепот угас: сердце демона остановилось. А еще через несколько мгновений его тело распалось на туманные клочья и развеялось. Тьма забрала все.

Повисшую тишину расколол спокойный, словно и не случилось бунта и немедленной казни, голос Сэйвана:

— Думаю, вампирам этого будет мало. Не все они бывшие демоны.

— Остальных добьем, их останется мало, — как ни в чем не бывало так же спокойно и равнодушно ответил Дьяр. — А что скажет моя ками-рани?

Я еще не пришла в себя и тихонько тряслась. Дьяр как владыка был, конечно, прав. С такими подданными, как демоны, правителю полагается демонстрировать молниеносные и жестокие решения, а бунты подавлять в зародыше. Но я никогда не привыкну к той легкости, с которой власть забирает жизни.

— Скажу, что подданные не виноваты в грехах покровителя. Я имею в виду Тень.

— Видишь ли, Лика. Договор и клятву хранит именно Великая Тень, — просветил меня владыка. — Она отслеживает и наказывает отступников на своей территории или передает прерогативу наказания князю клана. И если Тень не явилась подтвердить договор с владыкой, он считается расторгнутым и возобновляются отношения войны.

— А... нельзя найти другую Тень?

Я даже почувствовала, как сгустились вокруг меня пресловутые тени, которым очень не понравился мой вопрос. У меня аж волосы на голове зашевелились от дохнувшего в затылок ужаса.

— Не смей! — Дьяр поднял левую руку, и жуть отступила. — Можно, Лика. Для этого нужна жертва от клана — кто-то, кто добровольно примет развоплощение и откажется от посмертного покоя во имя своих кланников. Обычно это действующий князь, — и владыка красноречиво посмотрел на пустое кресло князя Багряного.

— Зан-о-Мьирр никогда на это не пойдет, — послышались голоса.

— Слишком древняя и трусливая тварь.

Дьяр дал советникам минуту, чтобы выплеснуть обуревавшие демонов эмоции. А потом поднялся, прошел к треножнику и простер над ним правую руку.

— Слышишь ли ты меня, князь Зан-о-Мьирр? Призываю тебя Тьмой.

Очень долго не доносилось ни звука: советники затаили дыхание и прислушивались, вытянув шеи. Наконец из треножника донеслось:

— Да, мой владыка. Я слышу.

— Ты мертв, князь, и считаешь, что тебе уже нечего бояться? — спросил Дьяр. — Тень клана не явилась подтвердить договор.

— Я не властен над ней, мой владыка, — поспешил заявить вампир.

— Так выполни древний ритуал или найди того, кто добровольно займет ее место. Я дам неуспокоенным трое суток.

— Боюсь, это невозможно, повелитель Тьмы и двенадцати Теней. Для этого нужно раскопать холм в Кардерге и уничтожить амулет, надетый на тело вампира, ставшего Великой Тенью.

— Тогда попробуй убедить своего покровителя, что он совершает ошибку, и через три дня, если Тень не явится, вы будете уничтожены.

— Не торопись, мой владыка. Не торопись. Ты забыл, по чьей земле сейчас ступает тот, кто тебе дорог. Твой отец, не-владыка Сатарф, в моих руках.

По рядам кресел пронесся быстрый шепоток. Дьяр стиснул кулаки, но отступить уже не мог.

— Я даже не буду пачкать руки моих демонов, пока еще князь. И не буду тревожить госпожу мою Тьму по таким пустякам. Если ты забыл, от какого врага защищает тебя и твоих кланников Темный Трон, то я напомню. Я всего лишь открою границу Тархареша со стороны гор Смерти. Как ты думаешь, сколько мгновений потребуется драконам смерти, чтобы славно

поохотиться, найти и упокоить всех неупокоенных? Безвозвратно, в окончательном небытии, вампир.

— Ты не сделаешь этого. Твой отец...

— Сначала попробуй его поймать, Зан-о-Мьирр, — усмехнулся Дьяр. — Я не из тех, с кем можно блефовать, и твой блеф я уже не забуду. Трое суток. Отсчет пошел.

И, резко погасив темное пламя, синеглазый развернулся.

— Открыть границу драконам? Гениально! — восхитились советники.

Ну вот, начались лести и угодничество. И никто не подумал, что драконов так просто не остановить без помощи сельо.

— А моя ками-рани подскажет нам, как сделать так, чтобы драконы не прихватили никого лишнего, — улыбнулся этот невозможный тип на троне.

Я пожала плечами.

— Надеюсь, до этой меры не дойдет, владыка. Иначе придется снимать запрет на пребывание сельо в Тархареше.

— А разве он не был снят? — удивился Дьяр. — В тот момент, когда капля крови сельо была принята Темным Троном, а та, что ее подарила, названа ками-рани, посещение Тархареша стало безопасно для сельо.

Это почти победа, богиня. Не этого ли ты добивалась, отправив меня в Тархареш?

В тот вечер по понятным причинам не было аудиенции Тринадцатому клану, и Дьяр, на мгновение заколебавшись, отпустил меня в Академию в сопровождении Ирека, открыв нам портал напрямик в башню.

Глава 6. Заговор

Столица Темного Трона бурлила: слухи разошлись мгновенно, и демоны праздновали будущую победу над вампирами, хотя срок ультиматума не вышел и окончательного разрыва кланов еще не произошло.

Злачные заведения были переполнены, и кабаре «Пляски скелета» не стало исключением. Закрытые ставни спасали посетителей от неяркого солнца. В искусственном затемнении мерцали алые огоньки демонических глаз, посверкивали клыки и когти. Гроыхала музыка, клубился дым от табачных трубок.

В центре на круглом подиуме отплясывали полуголые низшие демоницы. Зрители орали тосты, пили и рукоплескали, хохотали над попытками особо рьяных поклонников забраться на магически защищенный подиум и составить компанию танцовщицам. Особенно усердствовали адепты Академии, соскучившиеся по женскому обществу.

Публика была разношерстная, и мало кто обращал внимание на столик в самом затемненном углу зала, где сидели посетительницы далеко не юного возраста.

— Ох ты ж, чего вытворяют! Тьфу, разврат какой! — ругалась бабка Рагана, не сводившая, однако, глаз со сцены, где мелькали голые ножки в пенных кружевах юбок. — Хороши, заразы темные! У нас в Серых пределах такого не увидишь. Но скажи, Кикерис, неужто другого места не нашлось для наших посиделок, поспокойнее? Что я, девок голых не видала? Да я их вынянчила столько, что самой тошно!

Ее товарка залихватски сдвинула на затылок соломенную шляпку, сунула два пальца в рот и оглушительно свистнула:

— Долой! Надоели! Мужика давай!

Под громовой хохот пьяной публики демоницы убежали со сцены по воздушному мостику, к немалой радости зрителей, успевших заглянуть им под юбки. А вместо девушек появился сногшибательный рогатый экземпляр метра под два ростом, одетый лишь в черные ленточки. Музыка сменилась на тихую и плавную, верзила начал покачиваться, одеяние скользило по смуглой коже облаком змей. Собственно, змеями оно и оказалось, к восторгу зрителей.

— Все-таки зачем ты притащила нас именно сюда, сестра? — брезгливо поморщилась третья ведьма, сидевшая за столиком с видом оскорбленной невинности. Она имела интеллигентнейшую внешность старой девы — надзирательницы пансиона благородных ангелиц (что, собственно, было не так далеко от действительности).

В отличие от сестер, ведьма за собой тщательно следила: белая блузка с кружевным воротником под горлышко тщательно выглажена, на темно-синей юбке — ни пятнышка осенней грязи, как и на лакированных сапожках. Брови на морщинистом старушечьем лице тонко выщипаны, ресницы и губы слегка накрашены. Пенсне в золотой оправе довершало строгий, но благородный облик.

О состоянии нервозности говорила лишь одна не замеченная ведьмой деталь: крашеный лиловый завиток выбился из гладкого узла на затылке и топорщился, как средний палец в неприличном жесте.

— Поговорили бы в твоей башне, раз уж ты ко мне в гости не захотела прийти, — ворчала она.

— Занята моя башня! — отмахнулась Кикируся. — Птичник там несусветный, надоел

уже. В Академии все разбежались праздновать. А я что — рыжая? Я к народу ближе быть хочу!

— Ну так будь, мы тут при чем? Для чего ты нас звала?

Полюбовавшись на извивавшегося демона, Кикируся щелкнула пальцами, и тьма вокруг столика сгустилась до полной непроницаемости. Свеча, стоявшая на столешнице, вспыхнула ярким голубым огоньком, а гомон зала совсем затих.

— Так лучше? — Кикируся, опрокинув рюмочку вишневой наливки, вытащила спицу и понюхала острый кончик.

Рагана, вздохнув не без сожаления, придвинула к себе чашку кофе, наполовину разбавленного коньяком.

Третья ведьма принципиально пила минералку, используя в качестве соломинки трансформированную вязальную спицу. Синяя свеча ее тоже не устроила, и под сердитым прищуром старухи огонек затрещал, почти погас до синей точки, но тут же взметнулся радостным золотисто-оранжевым язычком.

— Вот так лучше.

— Скучная ты, Брегетта, до ужаса, — покосилась на нее Кикируся. — У нас мало времени, сестры. Мне еще за Дьярушкой присмотреть надо, а то Тени-то совсем расшалились, того и гляди из повиновения выйдут. Некогда мне развлекаться. А нам решить надо, что с мальчишками и нашей девочкой делать будем. Ирек-то, слышали, что отчудил?

— Ничего страшного, чтобы пугаться, — фыркнула Брегетта. — Знаю я, о чем мой Алиан с драконом говорил. Не найти Иреку такого демона, который с ним крыльями поменялся бы. Моя девочка все равно не для него. И, дорогая Кикерис, не для твоего любимца Дьяра. Нечего делать моей малышке в этом темном вертепе.

— Не заговаривайся, сестра! Не твоя девочка, а моя! — возмутилась Рагана. — Ты еще ни одного узелка не связала из этого клубочка. Занимайся своим светлейшим Алианом, а к моей девочке даже думать не моги соваться. Не дам! И не тебе решать, с каким клубочком я эту нить свяжу.

— Как это не мне? Я что — чужая? Да мы с Алианчиком...

— А ну, тихо! — рывкнула Кикируся. — Поздно драться-то. Пока вы спорите, да один клубочек с двух концов вязать пытаетесь, мерзавка Лойт ее у вас обеих увести пытается.

— Она давно пытается, с Ликиного рождения, да не выйдет у нее ничего! — отмахнулись сестры.

— Вы еще новостей не знаете, как я погляжу, многомудрые мои да всеведающие, — ехидно прищурилась Кикируся. — Да и Лойт-то, зараза лунная, думала — не узнает никто до поры. А я узнала, потому что сердце Лики сейчас каплю Дьярушкиной крови хранит. Через ту каплю я и услышала, что богиня хочет ее своей Верховной жрицей сделать. И уже обещание у нее вырвала, паучиха дрянная!

Две ведьмы ахнули, переглянулись, и распря тут же была забыта.

— Вот поэтому срочно надо девочку вашу влюбить. — Кикерис откинулась на спинку стула и спрятала хитрый прищур под полями съехавшей на глаза соломенной шляпки. — Решайте, сестры, тянуть дальше некуда. И, кстати, две замечательные кандидатуры у меня имеются. Оба красавчики. Вот только если Ирек, дурак такой, крылья поменяет и лишится способности любить, то сердце у девочки разбитым окажется. Так что думайте тщательнее.

— Да что тут думать? Не отдам ее за бастарда. Остается Дьяр, — поморщилась мадам Брегетта.

— Ни за что! — из чувства противоречия уперлась Рагана. — Не бывать темному владыке мужем селью! Небеса против! Забыли, чем предыдущая попытка закончилась? Да и моей Эльде Ирек больше по душе пришелся как будущий зять.

— Ты себя-то всеми Небесами не называй, ишь, возомнила! — возмутилась младшая ведьма. — Не твоей Эльде соваться в сердечные дела дочери! А за бастарда не дам девочке выйти! Костями лягу, а не дам.

— Ну сама посуди, Брегги, нам ли с тобой кочевряжиться? Вот пусть независимый кофейный дух покажет, кто ее судьба, — Рагана допила кофе и опрокинула чашку на блюдце вверх дном. — Девочка-то у нас тоже не в законном браке рождена. И все из-за тебя, младшая.

— Из-за меня?! — возопила Брегетта. — Да ты мне в ножки должна поклониться! Да если бы я Алиану вовремя не открыла путь в Серые пределы, ни Лики бы не было, ни твоей разлюбезной Эльды!

Кикерис кашлянула, и ссора двух ведьм быстро увяла.

— Ох, и хитра же ты, средняя, — Брегетта сверкнула на нее стеклышками пенсне. — Думаешь, я не понимаю, почему ты об Иреке заговорила? Если Лика в него влюбится, о черных крыльях он сразу забудет, и твой любимчик Дьяр на Троне усидит. Так ведь?

— Они у меня оба любимчики. Ты не о том думай, младшая. Я-то любую судьбу приму и в нужный узор вплету. Ты о том думай, как Лойт обмануть, а то и припугнуть. Она ведь, как ни крути, богиня любви у нас, и в сердце своей жрицы днюет и ночует. Любой огонек романтических чувств в девочке гасит, не дает разгореться.

Брегетта залпом опрокинула остатки минералки, ее пергаментные щеки мгновенно покраснелись, и двум старшим сестрам показалось, что в стакане была уже отнюдь не безобидная водичка.

— Хорошо! — Младшая ведьма хлопнула пустым стаканом по столу, и он сразу наполнился.

— Виски? — принялась Кикируся. — Из другого мира небось? Туточки такое еще не гонят.

— Шотландский. Кстати, у нашей старшей арманьяк в кофе был налит. Варварши вы обе. Такой продукт переводить!

— Зато ты у нас, фифа, виски хлещешь, аки лесоруб. Плесни-ка и мне, люблю Шотландию. Жаль, отпуск от дел праведных еще не скоро, прогулялась бы. Или лучше Туманный Альбион шугануть? А то уж забыли там нас поди...

Брегетта опустила в рюмочку сестры соломинку, поболтала в пустоте. Вмиг оказалось, что соломинка размешивает не воздух, а прозрачную жидкость.

— Благодарствую. — Кикерис хлопнула рюмашку, блаженно улыбнулась, понюхав кончик спицы. — А у тебя что там вырисовалось, Раг? Показывай, не стесняйся.

Рагана прибежала к гаданию на кофейной гуще только в спорных случаях, и обычно после свидетельства непредвзятого духа спор оказывался решенным в ее пользу. Увы, на этот раз разбавленный коньяком кофе подвел: гуща полностью сползла в блюдце, и стенки чашки оказались девственно чистыми.

— Странный эффект, — удивилась Рагана.

Кикерис, сунув нос, хмыкнула:

— Полная аннигиляция. Вот что значит тащить один воз в разные стороны.

— Это она все испортила! — Рагана показала спицей на хихикавшую Брегетту.

— Ну, я. — Младшая и не думала скрывать, что колданула, почистив чужое гадание. — Мы что, сами не справимся? Я согласна и на Ирека. Даже спицы в клубки вставлять не буду, клянусь. Но при одном условии, Раг. Ты дашь хотя бы один шанс моему Алиану. Не прошу о большем, знаю все об Эльде и Сатарфе. Всего один шанс, Раг. А ты, Кикерис, помолчи. Мы тебе твоих темненьких спасаем? Спасаем. А разве мой светленький не заслужил хотя бы прощения?

Голубенькие глазки Кикерис засверкали, но она, фыркнув, прикусила губу и отвернулась. Рагана кивнула, правда, напонила строго, что «внучата» сами решают, а забота нянек — следить, чтобы узор их жизни не перекосило всякими неразумными решениями.

— Теперь надо подумать, как нам Лойт обвести вокруг пальца, — вздохнула Рагана. — Сплетем заговор, сестры?

Она потянулась к огоньку свечи, вытянула из него светящуюся ниточку, словно из кудели. Младшие сестры вскинули спицы, и вскоре под колдовские бормотания закипела работа в шесть рук, вывязывавших круг из огненной нити.

Три ведьмы, отгородившись от шумного мира, так увлеклись, что не видели и не слышали происходящего в «Плясках скелета». Ни звука до них не долетало сквозь завесу. Кикерис знала: появления Дьяра она не упустит, а остальное неважно.

Мир вмешался в заговор вершительниц судеб ужасающим образом: на белоснежную скатерть столика шлепнулась темная капля, просочившаяся сквозь невидимую щель в дощатом потолке. Еще одна звонко булькнула в стакане с виски, окрасив его в розовый цвет. Третья капля упала на свечу, погасив ее и оборвав колдовскую нить.

— Ах! — горестно воскликнули ведьмы, не успевшие завершить заговор. Сплетенный круг сразу утратил яркость и растаял на глазах.

А через миг сверху щедро полилась тонкая струйка, расплываясь на ткани безобразным багровым пятном.

— Кровь! — ужаснулась Брегетта. — Там кого-то убили!

— Тут через день кого-нибудь режут, — пожалала плечами Кикерис. — Это темная столица, сестра. Демоны кровожадны. Не знала? Тьфу, такое плетение нам испортили!

Брегетта вцепилась в Рагану:

— И ты все еще хочешь связать сердце нашей девочки с темным? Одумайся, сестра!

— Мало ли что я хочу, — огрызнулась старшая. — Не по моей и не по твоей прихоти земные пути вьются!

— Хватит уж вам. — Кикерис решительно поднялась, поправила шляпку. — Ну-ка, свистать всех наверх. Посмотрим, что за мерзавец испортил нам обедню. На наших глазах, почитай, зло сотворил! Вы как хотите, а я такую наглость спускать не намерена. Может, он и подслушать нас смог? Сверху-то защиты не стояло, только по бокам.

Ведьма сняла полог как раз в тот момент, когда шум в кабаре стал запредельным: со второго этажа заведения, где располагались уютные кабинеты для желавших уединиться, раздался истошный визг.

* * *

В моей башне царила подозрительная тишина: ни Кикерис не прибежала посмотреть, кто явился, ни горгульи не побеспокоились. Привыкли уже, наверное, что за их подопечной

арестанткой не уследишь. А грифон с Шуршем давно переселились в Белую империю, за моим папулей присматривать.

— Ли́ка, можно тебя попросить об одолжении? — Ирек не торопился прощаться.

Склонился, заглядывая в глаза. — Не говори ничего Дьяру.

— О чем именно?

— О моей сделке с драконом смерти.

Со времени сделки прошло уже столько времени, что я удивилась: странно, почему Ирек раньше не попросил? Потом догадалась: бастард хотел признаться брату, все это время мучился, и только сегодня принял окончательное решение молчать. Почему?

А раз так, я тоже приняла решение.

— Не могу обещать, Ирек. Как телохранительница, я обязана доложить об угрозе...

— Какая угроза, Ли́ка?! — прорычал он, слегка тряхнув меня. — Да я никогда ничего против него не сделаю, клянусь! Я люблю брата! Понимаешь? Да где тебе, у тебя же ни братьев, ни сестер никогда не было...

— Какое условие поставил тебе Шурш?

— Я же сказал — невыполнимое.

Скептически поджав губы, я не отводила взгляда от черных глаз. Кто кого пересверлит.

Ирек сдался первым, отпустил меня и отвернулся.

— Твой дракончик — тот еще шутник, Ли́ка. Он предложил мне найти высшего демона, который захотел бы поменяться со мной крыльями. А где я его найду? Таких дураков нет.

«Шурш в своем репертуаре», — хмыкнула я про себя. Действительно, условие невыполнимое. Беспокоиться не о чем. Я повеселела.

— А ты не думал, Ирек, что цвет крыльев — не главное в демоне?

— Может, и не главное. Но Тьма так не считает, — вздохнул он. — Ладно, отдыхай. Дьяру я сам скажу. Потом. Он будет в бешенстве, конечно.

— Подожди. Покажи мне их.

Парень недоверчиво покосился на меня, стиснул зубы.

— Издеваешься?

— Нет! Они такие красивые! Ну, пожа-а-алуйста-а-а!

Он вдруг ухмыльнулся:

— Покажу, если ты мне покажешь свои. Идет?

— Нет! — шарахнулась я. И не важно, что всяк, кому не лень, видел мои крылья на коронации Дьяра. Но сам же говорил: чары в башне усилены, а крылья — это магия. И как я потом снова иллюзию на спину наложу?

— Башня заперта, тут никого нет, кроме нас, — подзадорил парень. А глазищи-то как разгорелись предвкушением. — А места достаточно. Никто не увидит, Ли́ка. Полетаем? Я помогу потом замаскировать твои крыловые щели, как было.

От одной мысли распахнуть крылья хотя бы на миг, спину свело болью, а сердце забилося где-то у горла. Слишком долго я их не раскрывала. Случай на коронации — не в счет, там я полетать толком не успела, только в воздух прыгнула, чтобы Дьяра заслонить от летящего кинжала. А тут... И правда же никого нет. Сила рвалась, распирала меня изнутри.

— Ну, давай, — шепнул подлый провокатор. — На счет «три». Раз, два... три!

Полумрак вспыхнул золотым маревом, разгоревшимся за спиной Ирека. А через миг в зале стало еще светлее — на угрюмых каменных стенах заиграла россыпь перламутровых лучей, а по спине прокатилась волна прохлады, и душа замерла от ликования и... Свобода!

Какое пьянящее, волшебное чувство!

Крылья прорвались сквозь ткань свитерка, как могучий поток, снесший плотину. Они тоже отличались от обычных лунных, но я никогда не комплексовала по этому мелкому поводу. Подумаешь, перламутровые радуги вместо ровного и бледного лунного света.

Я взвилась под высокий свод. Ирек рванул за мной, и мы носились, забыв обо всем, как два мотылька — золотой и жемчужно-радужный. Виток, другой. Бастарду явно не хватало тренировок, заметила я по угловатым движениям парня и неловкости, с которой он едва разминулся со стеной.

В башне полыхали отблески света. Мы хохотали, как сумасшедшие, гоняясь друг за другом. Почти как на вступительных испытаниях. Только без жужелек и толпы ликующих зрителей.

Упс. Один все-таки был.

Заметив замершую в дверном проеме высокую фигуру, завернутую в непроницаемый черный кокон, я от неожиданности кувыркнулась в воздухе. Ирек, обрадованный, что сумел догнать, налетел на меня:

— Попалась, пташка!

— Ирек, там... — я повернула лицо к двери.

Бастард тоже повернулся.

— Подсматриваешь? — зло сощурились его черные глаза.

— Брат, ты мне нужен, — ответил необычно глухой, словно мертвый, голос Дьяра. — Идем.

Мы опустились на пол, дружно втянули крылья. Мои колени отчего-то ослабели. Не от полета и избытка эмоций. Такой Дьяр — холодный, мертвенно-бледный, без единой кровинки на лице — вгонял меня в тоскливый трепет. У него даже глаза из ярко-синих стали какими-то тускло-пепельными. Лицо равнодушное, каменное, губы плотно сжаты.

— Срочно? — переспросил бастард. — Мне надо Лике помочь ее крылья спрятать.

— Срочно. Лика, из башни никуда не выходить.

— Это арест? За что?! — от возмущения у меня сел голос.

— Не спорь с ним, — шепнул Ирек. — Что-нибудь придумаем. Видишь, сейчас он немного не в себе?

— Что случилось, Дьяр? — кипела я.

Он промолчал.

Ирек развернул меня. Мягкие теплые ладони прошлись вдоль позвоночника, погладили лопатки. Щекотно же!

— Сойдет, — сказал он через минуту моего хихиканья. — Потом получше иллюзию наложу.

— Не годится, — подал голос отстраненно наблюдавший Дьяр. — Любой, не самый лучший магистр, заметит такую топорную работу. На коронации в суете никто ничего не понял, даже крылья не успел разглядеть. Тебя все еще считают сельо-полукровкой, не способной толком летать. У полукровок могут появиться слабые открылки, пробить временные крыловые щели, которые уже должны затянуться. Потому не порти игру, раз уж начала.

Говоря, он подошел чеканным шагом, эхом отдававшимся под сводами. Словно стал тяжелее раза в два. Я боялась повернуться: жутко не хотелось встречаться с ним взглядом.

Прикосновений почти не почувствовала, если не считать касаний морозных воздушных

потоков. Спину словно панцирь сковал. Через миг иллюзия ледяного плена исчезла, как будто лед впитался под кожу и растворился, оставив ощущение легкой стянутости под лопатками.

— Вот теперь все.

Ирек восхищенно вздохнул:

— Круто ты продвинулся в магии!

— Это не моя магия, а сила владык, — со странной горечью заметил синеглазый. — Толку, что теперь эта чужая сила — у меня? Отец был сильнейшим, а после отречения стал слабее низшего демоненка.

— Ты не прав. Мечник тоже заведомо сильнее безоружного, если владеет мечом.

— Если... Нет времени на споры. Поставь усиленную охрану к башне, — распорядился Дьяр.

— Подожди! — дернулась я за ними. — Зачем охрана? Почему мне нельзя выходить?

Не поворачиваясь, синеглазый пояснил на ходу:

— Убийца снова вышел на охоту. Сегодня он напал на девушку из Тринадцатого клана, а это еще мои подданные. Нагло, чуть ли не при всех. Видимо, испугался, что не успеет до появления драконов смерти. Вырезал ей сердце. Следующей жертвой, как нетрудно догадаться, он выберет селью. Ты должна казаться слабой, но охраняемой дичью, Лика. Тогда будет шанс обмануть ловца.

Врет. Он просто решил, что убийца не должен иметь никаких шансов. Правильно решил, нечего и возражать. Но сидеть взаперти я не буду!

— Тринадцатый клан — это же вампиры! — удивилась я. — Но ведь убийце нужны для ритуала живые сердца, а вампиры — нежить!

Дьяр замер. Развернулся, вперив мрачные очи:

— Да, вампиры — это неупокоенные мертвецы, но в момент поглощения чужой крови и несколько дней после сердце вампира снова начинает биться. Не знала?

Ну вот что он злится? Что подданную не убережет? Так и Сатарф не убережет. И Алиан своих беленьких адептов не убережет. За каждой девчонкой не уследишь. Кстати...

— А вы провели переговоры с моим отцом, Ваше Темнейшество?

— О чем? — Дьяр вышел из зала.

— Да, точно, я же тебе докладывал, — подхватил Ирек. — О тех кинжалах эпохи Шарх. Он что-то о них знает.

— Не до того было, — вздохнул синеглазый и свернул на лестницу. — Даже если он что-то знает о кинжалах, как это может помочь найти убийцу?

Ирек последовал за ним. Я не отставала. Может, проскользну под шумок, раз оба отпрыска Сатарфа изволят ножками по брэнному камню ступать, а не теневой дорогой. Не хочу я быть узницей! И кольцо надо забрать у бастарда — это мой единственный путь к бегству, если эти гады башню запрут.

Глава 7. Не-владыка

Сатарф торопился как мог, а мог он куда меньше, чем прежде. Тот, кто вкусил вершины могущества, кто был почти равен богам и даже изгонял их со своей земли — для начала обнаглевшую Лойт, — оказался отброшен на самое дно. Сейчас бывший владыка Тьмы и Теней чувствовал себя младенцем бескрылого низшего демона.

Без одного глаза, без крыльев, без магии. Почти без магии. Все-таки он оставался демоном, сыном Матери Тьмы, которая не сняла с него благословения. Наоборот, помогала поскорее заживить раны, а глухими ночами выгоняла дичь под его умелые руки.

Путник мог бы сократить время путешествия и пройти за Грань тенями, на это остатков его темной силы еще хватало. Но потустороннее царство Теней сейчас лучше не беспокоить, пока новый владыка, его сын Дьяр, не укрепит свою силу над ними. Тринадцать Теней, тринадцать столпов Темного Трона пока слишком шатки.

Теневой путь Сатарф оставил на самый крайний случай. К тому же тот, кто идет к драконам смерти, должен сам пройти свой путь, без чужой помощи. Вот и растянулось его путешествие на две недели.

Сатарфу оставалось миновать земли Тринадцатого, самого кровожадного и непокорного из темных кланов. Не лучший путь, что и говорить.

Взвесив все за и против, одноглазый калека решил все-таки рискнуть. «За» — это экономия драгоценного времени. В обход — слишком долго, да и вампирская вотчина охватывала клешней врезавшиеся в нее одним концом, как пика, Драконьи скалы. Другой путь был не только длиннее раза в два, но пришлось бы завернуть в царство Серых холмов, а с лунными девами ему ни к чему встречаться. Второй раз царица его не отпустит или следом увяжется.

Нет, только не это. Лучше уж вампиры. Если идти только днем и маскироваться по ночам, можно и просочиться. Главное — на стражей не наткнуться.

Полдень — не лучшее время для демонов. Счастье, что для низших вампиров солнце совсем невыносимо, и кровососы забиваются глубоко под землю, в самые глухие отнорки своих пещер. С высшими хуже, у них, как доподлинно знал Сатарф, имелись баснословно дорогие амулеты, защищавшие их от смертоносных лучей. Но их сила небесконечна, и даже высшие не искушали лишней раз судьбу.

Калека старался не выходить на открытые пространства, шел глухими лесами, предпочитая встретиться с диким зверем, нежели с бывшими подданными. Никто не должен увидеть его искалеченное тело. К тому же огромные сосны и ели создавали огромные сумеречные шатры, и ночное существо прекрасно себя чувствовало даже в полдень.

Обычно в это время он уже спал. Но в землях вампиров пришлось изменить распорядок, и теперь Сатарф поднимался с солнцем и шел весь день, делая небольшой привал только в полдень. Днем костер не так заметен, как ночью, а питаться сырой дичью бывший владыка не привык.

Найдя в лесной чаще небольшую прогалину, он расчистил место для костра, наломал сушняка и разжег костер. Потом запек в глине пойманную утром куропатку, поел, обжигаясь от спешки, завернул оставшуюся часть в листья и спрятал в дорожную сумку: до логова драконов еще неизвестно сколько добираться, а в царстве смерти так и совсем пожрать нечего — все живое обходит зловещее место далеко стороной.

Закончив с обедом, демон раскидал веткой угли кострища и с помощью ножен меча набросал сверху земли — как простой смертный, лишенный магии. Оставшиеся крохи сил ему еще пригодятся. Проследив, чтобы ни единой искры не осталось тлеть, он вытер ножны пучком пожухлой осенней травы и поднялся.

— В путь, — благословил он себя. — Чем быстрее доберусь, тем быстрее вернусь.

И опять ощутил укол совести: может, и надо было остаться в Кардерге, затаиться, подсказывать сыну. Убийцу и своего мучителя выловить, в конце концов. Отомстить, чтобы мало не показалось. И только тогда отправляться в горы Смерти в надежде на возрождение. Ведь знал же Сатарф: шанс вернуться живым и крылатым невелик. Зато если вернется, то уже никто не посмеет угрожать ни его детям, ни Темному Трону.

Никто. Никогда.

Даже боги.

Сатарф отстегнул ножны с мечом от пояса и закрепил ремнями на спине: по лесу далеко не уйдешь, придерживая меч на боку, — о каждую ветку начнет цепляться. Не привык высший демон по земле ползать. Ничего, вот вернется с крыльями... Сатарф вскинул взгляд на небо, опутанное ветками, посмеялся про себя: не успел уйти, а уже мечтает вернуться.

Но очень уж тревожно было на душе. Даже не кошки, а горгульи скреблись.

Двигаясь по лесной чаще мягким неслышным шагом, легко перепрыгивая через сучья и полусгнившие, укрытые плотным ковром мха стволы поваленных деревьев, он вспоминал последний разговор с младшим сыном.

— Скажи, — допытывался Дьяр, — почему ты Ирека так и не признал официально, прежде чем уйти? Он очень расстроен.

Сатарф ответил не сразу. Он покрутил в искаленной руке государственную печать, подбросил на ладони. Усмехнулся:

— А ты бы хотел, чтобы не Зарга, а Ирек стал частью заговора?

— Брат не пойдет против меня.

— Сын, я не устаю напоминать: ты слишком доверчив для будущего владыки Тьмы и Теней. Ирек любит тебя, это так. Но ты — младший, и этого уже не изменить.

— Вот! — вспыхнули синие глаза, такие же яркие, как у отца. — А я и говорил всегда, что из меня не получится повелитель!

Как же надоела Сатарфу эта песня! Едва Дьяр, уже будучи подростком, узнал, что у него есть старший брат, пусть незаконнорожденный и непризнанный, его усердие в усвоении необходимых для наследника наук весьма пошатнулось. Демоненок плешь проел отцу, уговаривая изменить завещание в пользу Ирека. Подумать только — это злобный по определению демон! Темный маг! Сын владыки! Да он любого должен загрызть в борьбе за власть. Как его сестра Зарга.

Но в синеглазом мальчишке, как оказалось, слишком сильна кровь его матери, дочери пирата. И Сатарф никогда не скажет ему, кем на самом деле была эта женщина, которую ненавистники обзывали за глаза корабельной шлюхой. Никогда не признается, что на самом деле случилось с ней в ночь рождения младшего сына.

Да, такому, как его синеглазый сын, не нужна власть над землей и подданными. Не нужен даже Темный Трон. Он будет жаждать иной власти, когда и если осознает себя.

Начиная с ночи рождения Дьяра, владыка с ужасом ждал, когда в его наследнике проснется иная жажда, которая отнимет у него сына, и торопился, всю жизнь торопился

опередить, заглушить, обуздать. И только Госпожа Тьма могла преодолеть материнскую силу. Потому владыка провел первое посвящение сына, не дожидаясь его семилетия, потому связал Тьмой, долгом и всеми мыслимыми и немыслимыми клятвами. А теперь — до срока возвел на трон. И тринадцать Теней Темного Трона станут нерушимыми якорями для Дьяра, будут держать до самой его смерти. За Тархареш можно не беспокоиться.

— Получится, все у тебя получится, — жестко осадил Сатарф наследника. — Как раз ты и обладаешь необходимыми качествами. Или ты считаешь, я глуп, недалновиден и не знал, что делал? Твоя излишняя мягкость и доверчивость быстро пройдут. Куда сложнее, если сердце изначально ожесточено, как у Зарги или Ирека. Такое сердце не сможет судить по закону и справедливости, не сможет встать над добром и злом, пока не избавится от груза придуманных обид и не смирится с судьбой. Ты ведь понял, сын, должен был понять, когда говорил с Тьмой, почему над злобными и кровожадными демонами должен стоять не более жестокий и кровожадный тиран, не еще более злобный повелитель, а тот, кто не судит ни добром, ни злом, но только по закону?

— Понял, — буркнул Дьяр, отворачиваясь от пристального взгляда одноглазого калеки. — Равновесие.

— Вот именно. Ты таков, что тебе без разницы, светлые у тебя подданные или темные. Думаю, ты и с Белой империей вполне справился бы, хотя у белых коварства столько, что нам, демонам, еще учиться у них и учиться.

— Выдумал тоже, — рассмеялся Дьяр. — Но что ты все обо мне! Ты лучше скажи, что мне брату передать?

— Я ему уже говорил. В Тархареше не только демоны живут, да и наши тринадцать кланов, включая неуспокоенных, — все разные, у каждого свой изъян, своя слабость или, наоборот, сила. Если Ирек до сих пор не смирился с самим собой, каков он есть, то как он сможет принять и понять других? Я уж не говорю о том, что его не смогла принять Тьма, и ты знаешь почему.

— Крылья можно и перекрасить, — вздохнул Дьяр, окончательно прощаясь с мечтой свалить заботы на плечи брата. — Но ты тоже не смирился с увечьем!

— Это другое. Я рожден крылатым. Можно смириться с тем, что дано или не дано тебе от рождения, принять и идти дальше и выше. Но с тем, что из тебя сделали или пытались сделать, мириться нельзя. Есть разница, сын. Твой брат добровольно отказался от неба. Насмешек боится, подумать только! А Темный Трон — не для трусливых. Ирек не готов драться и защищать свое право быть таким, какой он есть. Как он сможет защищать других? Он заранее сдался, и я этого не простил. Тот, кто предал себя, предаст и другого.

— Ты не прав, отец. Он не такой.

— Посмотрим, — вздохнул Сатарф, еще раз подкинул печать и с грохотом опустил на давно подписанный свиток с отречением от трона. Дьяр поморщился — свершилось.

Бывший владыка полюбовался на мерцающий огненно-багровый оттиск, дождался, когда печать остынет до угольной черноты, свернул документ и протянул наследнику:

— Держи, сын. Благословляю на царство. Владей, а не властвуй. Суди, а не осуждай. Бей чужих, чтоб свои боялись. Вернись, проверю, как справился с заданием. А Иреку передай: когда он примет себя таким, каким он рожден, я признаю его. Если вернись, конечно.

— Только попробуй не вернуться! — всполошился Дьяр.

Сатарф улыбнулся и ласково взъерошил его волосы.

— Спасибо, сынок. Вернись, никуда не денуть. Как я могу не вернуться, сам посуди? Я только-только обрел любимую женщину. Можно сказать, едва жить начал!

Наследник тоскливо возвел очи в небеса, и Сатарф легко расшифровал его мученический вид: мол, некоторые тут жить начинают, а Дьяру теперь хоть с тоски вешайся, стихнули на буйную юную голову государственные заботы, и в кусты.

Впереди посветлело, между огромными стволами появился чахлый подлесок. Наконец стена исполинов раздвинулась, путник вышел на крутой, высокий берег реки, вившейся между холмами. Взгляду Сатарфа открылась панорама на долину внизу, на покатые холмы вдаль, а за ними на горизонте белели горные пики обиталища драконов.

Далековато еще, прикинул демон. И через реку не перелететь. Но бывший владыка тщательно готовился к путешествию и помнил карты: неподалеку есть развалины древнего моста, оставшегося с незапамятных времен, еще до эпохи Единения.

К разрушенной переправе он вышел часа через два, и увиденное огорчило: от каменного настила ничего не осталось, а раскрошенные, покосившиеся каменные глыбы свай слишком широко отстояли друг от друга, не перепрыгнуть. В этом месте река сужалась, течение становилось таким быстрым, что нечего и думать пересечь препятствие вплавь. Не с его едва затянувшимися ранами на спине от выдранных крыльев.

Сатарф оглянулся на стену высоченных елей, искал взглядом сухостой — хватит ли высоты стволов, если соорудить мостки из пары бревен и перебрасывать со свай на сваю. Но, во-первых, мечом такие толстые, хотя и сухие, деревья не повалить. Так и без оружия недолго остаться. Во-вторых, даже если исхитриться и выкорчевать пару деревьев магией, то их высоты не хватит: ближе к противоположному берегу, как он заметил, одна свая едва виднелась над водой, разрыв становился в два раза длиннее и казался непреодолимым.

Он прищурился на солнце, медленно клонившееся к верхушкам леса. Прикинул, как протянутся тени на закате, зацепят ли свай друг друга, свяжет ли их потусторонняя теневая тропа.

Нет, поморщился демон, проблема оставалась той же: разрушенная почти до поверхности воды свая не давала тени. Точнее, ее тень цепляла следующую сваю глубоко под водой. Но если вынырнуть и взобраться наверх по разрушенным камням, то можно успеть до того, как тени станут неразличимы.

Ирония жизни высшего демона в том, что для того, чтобы ходить тенью, ему нужно хотя бы немного света. Если, конечно, он не владыка Тьмы и Теней. Уже не владыка.

«Уж не жалеешь ли ты, идиот?» — усмехнулся Сатарф. Тряхнул густой гривой волос. Не о чем жалеть. Вся его власть, все его могущество оказались бесполезными, когда два заколдованных куска железа искромсали его тело и выпили его силу.

Так лучше уж рассчитывать только на себя. На то, с чем рожден и что никто не отнимет, пока жив, — на дух, ум и волю.

Сатарф терпеливо ждал, устроившись под ветвистым кустом ракиты. Листва с нее почти облетела — дыхание глубокой осени дотянулось и до юго-восточных пределов Тархареша, но куст был густой, раскидистый и нависал, словно паутина, скрывая притаившуюся под ним фигуру демона.

И все-таки с тех пор, как Сатарф покинул лесную сень, его не оставляло ощущение взгляда, сверлившего спину. Он осторожно оглянулся. Принюхался. Увы, ветер дул от реки, и даже чутье демона не могло уловить ничего подозрительного.

Опасности не ощущалось. Взгляд сверлил. Да еще жажда после куропатки одолела.

Как ни хотелось путнику пить, — до реки, дразнившей тихим плеском волн, рукой подать, — но он не шелохнулся, застыв изваянием. Нельзя исключать, что вон та стая из шести воронов, вылетевшая из-за леса и с карканьем умчавшаяся далеко за реку, — это воздушная стража вампиров. Хотя куда чаще их вторая ипостась — летучие мыши. Вороны скорее настоящие, но как-то связанные с разумом кровососущей нежити.

Много загадок хранит Тринадцатый клан. О них не осведомлен даже владыка Темного Трона, которому подчинен Великий Хранитель клана Неупокоенных. Самый непокорный клан, от которого больше проблем, чем пользы.

Наконец ленивое солнце ушло за лес, протянувшиеся тени достигли кромки берега, накрыли воду, вскарабкались на позеленевший от влаги камень ближайшей сваи.

И фигура, затерявшаяся под спутанными ветвями куста, совсем исчезла, как не было.

А через долю мига на вершине сваи появился бескрылый силуэт. И тут же растаял, чтобы материализоваться на следующей груде камней, торчавших из холодной воды.

Так он почти преодолел разрушенную переправу.

Почти.

Как и предполагал Сатарф, тень от разрушенной сваи не дотянулась до следующей, и он оказался в ледяной осенней воде. Демон от души ненавидел воду и в здоровом состоянии, хотя в молодости немало морских лиг преодолел. Но не вплавь же!

Израненную спину свела мощная судорога, едва затянувшиеся раны вскрылись, закровоточили, и Сатарф, потеряв сознание от боли, ушел под воду.

[Купить полную версию книги](#)